

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ

СИСТЕМЫ

НАУЧНОГО

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО

ЗНАНИЯ—

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

г. Чернигов, 1995 г.

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНОГО ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ—

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

г. Чернигов, 1995 г.

ОТ АВТОРА

Если вы интересуетесь прогрессом научного познания в областях философии, физики, химии, биологии, психологии, логики, общей теории познания и др.,

если вы интересуетесь вопросами создания новой научной объяснительной картины мира и формирования новой идеологии;

если вы хотите ознакомиться с новой, существенно более эвристичной и прогрессотворной, СНОЗ или изучить ее, овладеть и пользоваться ею, дающей существенно обновленную и неопровержимо истинную фундаментальную научно-объяснительную, мировоззренческую базу для примитивно-объединительного и прогрессотворно-созидательного синтеза религиозной, естественно-научной, диалектико-идеалистической, диалектико-материалистической и прочих идеологий;

если вы желаете так исчерпывающе и истинно, как это возможно вообще, познать то, из чего, как и почему изначально и потом в своем глубинно-донном фундаменте все в реальности получается, опричинивается, обуславливается, развивается и преднаправляется в своем развитии, существует и оживляется, — познать обще-существенные фундаментальные элементарно-структурные и причинно-следственные механизмы зачатия, изменения и развития неживых или оживления, поведения и развития соответствующих вещественных образований, получить лучшие возможности для мысленного моделирования и выяснения возможности их преобразований, сохранений, приспособлений и последствий этого;

то приобретите эту и ей предшествующие части текста «Прологи новой СНОЗ» и приступайте к изучению новой СНОЗ, внимательно и вдумчиво читая последовательно, часть за частью, начиная с первой части. Пять частей текста «Прологи...» уже опубликованы, шестая часть также скоро будет издана,

О возможности приобретения этих книг читайте на 130 стр. этой книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это четвертая часть текста «Прологи новой системы научного объяснительного знания», который состоит из шести частей,

Для достижения полного и верного понимания смыслового содержания этой книги необходимо внимательное с верным пониманием прочтение трех предшествующих частей (книг) текста «Прологи новой СНОЗ», адреса для заказов на приобретение которых указаны в конце текста этой книги. «Прологам...» излагается развитие предварительного смыслового содержания новой системы научного объяснительного знания, изложение дальнейшего развития чего на более подробном и предельно углубленном уровне продолжается текстом «Логи новой системы научного объяснительного знания», также состоящего из нескольких частей, смыслологическое содержание которых последовательно и имплицитно развивается из предшествующего.

В этой четвертой части излагается дальнейшее исследование и прослеживание развития процессов отражения и отображения из форм, свойственных любым образованиям сущего реальной действительности, через восприятия, представления и неречевое мышление в такие высшие формы речевого мышления: понятие, суждение, определение, умозаключение и пр., — в свете новых смыслов и состава фундаментальных гносеологических понятий и идей (материальное, идеальное и другие понятия и идеи) и ими обуславливающейся немонистической логики. Исследуются, объясняются и во многом по-новому решаются, кроме прочего, в основном такие очень важные гносеологические вопросы и проблемы, имеющие и самостоятельное научно-познавательное значение и необходимые для развития последующего содержания: — о врожденности идей; — факторы и механизмы, обуславливающие вступление индивидов во взаимодействие и общение между собой, образование общественных систем и развитие в них символического языка, суть и роль последнего в познании: — генезис, выведение из восприятий, представлений и неречевого мышления и из всего предшествующего таких форм речевого позна-

вательно мышления как понятие, суждение, определение, умозаключение и уяснение и объяснение их сути и существенных отличительных признаков, взаимовлияния и взаимоотношения их между собой и с тем, из чего и чем они развиваются, их роли и возможностей в истинном познании и объяснении реальной действительности; — раскрытие, объяснение и уяснение сути и отображательных возможностей того, из чего складывается содержание любой идеи, любого знания, уяснение места его обитания и проявления, критериев истинности, источников и средств его приращения и развития, возможностей, критериев и факторов его прогресса;

— раскрытие, объяснение и уяснение сути, роли и взаимовлияния того в познании, что исходит и зависит от индивида, и того, что исходит и зависит от общественной системы;

— раскрытие, решение, объяснение и уяснение вопросов о том, что, как и откуда идет в содержание знания индивида от предков, от предметов познания, из общества и из организма этого индивида, о роли и механизмах влияния общества на развитие знания у индивида и индивида на развитие обобществленного знания.

Обращаясь к физикам, химикам, биологам, психологам и к специалистам в других областях научных познаний: «... Чтобы дары, приносимые мной с беспристрастным усердием, ... с презрением прочь не отынули» ¹⁾ вы прежде, чем поняли, о чем идет речь, ошибочно предположив, что это, мол, дело лишь философов, уведомляю, что дело новой СНОЗ — это дело всех тех, кто желает так вглубь до дна исчерпывающе и истинно познать реальную действительность и себя в ней, как это возможно вообще. В первой части «Логов...» будут раскрыты и доказаны абсолютно истинные смыслы начал бытия и наименьших элементов сущего, что составит глубинный и всеобщий фундамент не только неофизики, но и всех объяснительных наук. Во второй части «Логов...» излагаются новые элементарно-структурные и причинно-следственные модель-представления атомов и того, из чего они начинаются и выводением почучаются. В последующих частях «Логов...» будут объясняться (выведением из предшествующего)

последующие вопросы (вопросы геологии, космологии, химии, биологии и пр.). Так что и физикам, и химикам, и биологам, и психологам необходимо изучить «Прологи...», а потом уж приступать к изучению «Логов...»

1) Лукреций. «О природе вещей».

Изд. АН СССР, 1946 г., т. 1, стр. 9:

Г Л А В А I.
§ 1. РАССУЖДЕНИЕ ПО ВОПРОСУ
О ВРОЖДЕННОСТИ ИДЕЙ.
I.

Некоторые объяснители говорят, например, такое: все что имеет человек и развивает собой в себе, идет к нему только изнутри, есть разворачиваемое им содержание его зародыша; и это содержание, предопределяющее все особенности этого человека, его помыслов, идей и судьбу, пришло к нему через отца и мать и через предков от начала истории человеческой; предопределенность всего нынешнего и последующего генетической и исторической наследственностью фатальная. Такое объяснение используется затем для умирения человека: не пеняй, мол, на устройство общества, не сетуй на то, что ты немущий, угнетенный и бесправный, а другие имущие, властвующие и свободные — все изначально предопределено. Для доказательства этого иные так изошряются, что даже добиваются некоторого успеха. И многие верят в это, т. к. какая-то доля правдоподобия здесь есть. Что-то ведь все-таки приходится к нам от предков и приходит к нам через наше нутро, сохраняется, развивается в нас и передается нами потомкам!? Чиста ли сама по себе душа рождающегося человека, подобно доске, на которой еще ничего не написано, как выражали этот вопрос некоторые мыслители? И откуда происходит все то, что начертано на ней? Исключительно из чувств и опыта, как это утверждают одни, или же душа содержит в себе изначально принципы различных понятий и теорий, как в этом убеждают нас другие? Какими путями и как идет истинное знание к нам? Законы реальности изначально записаны в наших душах и сердцах и потом они лишь разворачиваются в нас, а мы их потом лишь научаемся читать, или мы их читаем, познаем в самой природе? Все ли знание из опыта или есть и такое, которое исходит из другой основы и покоится на другой основе? Возражая Локку, Лейбниц рассуждал так: если всякое знание берет свое начало из рефлексии, а «рефлексия есть не что иное, как внимание, направленное на то, что заключается в нас, и чувства не дают нам вовсе того, что мы приносим уже с собой. Если это так, то можно ли отрицать,

что в нашем духе имеется много врожденного, так как мы, так сказать, врождены самим себе, и что в нас имеется бытие, единство, субстанция, длительность, изменение, деятельность, восприятие, удовольствие и тысячи других предметов наших интеллектуальных идей?... нечему удивляться, если мы говорим, что эти идеи вместе со всем тем, что зависит от них, врождены нам» ¹⁾.

Что такое идеи, о которых идет речь, и какие они могут быть? О возможности рождения каких идей идет речь? Ведь все развивается и имеет какие-то свои предшествующие и последующие состояния, имеет какие-то этапы развития и переходы от одного состояния в другое. Локк утверждает, что в нашем знании ничего нет такого, чего бы не познавали чувственно по крайней мере когда-нибудь прежде. А Лейбниц, возражая, спрашивает: «Почему мы должны приобретать все лишь с помощью восприятия внешних вещей и не можем добыть ничего в самих себе» ²⁾. Разве наша душа без внешнего настолько пуста, что без заимствования извне образов она не представляет ровно ничего? Почему же мы не можем добыть себе каких-либо объектов мышления из своего собственного существа? И кажется, что Лейбниц в какой-то мере прав, что и привлекает к нему сторонников.

Но и Локк в чем-то прав?! «Если спросят, когда же человек начинает иметь идеи, — пишет он, — то верный ответ... будет: «Когда он впервые получает ощущение». Так как в душе не бывает признака идей до доставления их чувствами, то я понимаю, что идеи в разуме одновременны с ощущением, т. е. с таким впечатлением или движением в какой-нибудь части нашего тела, которое производит в разуме некоторое восприятие» ³⁾. Правда он смешивает идеи и восприятия. По его мнению мы никогда не можем помыслить о какой-нибудь вещи, которую никогда ранее не видели и не чувствовали. Крайности? А Юм твердит, что «все наши аффекты являются разновидностью природных инстинктов, выводимых не из чего иного, как

1). Антология мировой философии. М., 1970 г., т. 2, стр. 468.

2). Там же, стр. 469.

3). Там же, стр. 419.

из начального склада человеческого духа». 1)

В разных новых аспектах и в новых терминах этот вопрос дискусируется еще и ныне, давая повод и почву для выражения разных мнений. Таков уж удел заблуждения — многовариантность, многоликость, многосмысленность, тогда как смысл наиболее истинного мнения один.

II

Знание сути того, чем составляется, фиксируется и проявляется содержание любой идеи, мысли, представления (а это протяженности антиощущений и границ-ничто между ними) дает возможность решить и вопрос о возможности вхождения идей.

Из всего предшествующего в «Прологах...» следует, что представления или идеи человек производит в результате взаимодействия своего сознания со своим организмом и через свой организм с объективной средой, содержит их в себе как феномены явности и что они состоят из извлекаемых из памяти элементов (протяженности такого-то антиощущения с границей-ничто, ограничивающей его от иного антиощущения), структура объединения которых в более сложные представления или извлечена из памяти или произвольно составлена субъектом в результате формирования представления в процессе мышления. Структура элементов сложного представления может сохранять или приобретать соответствие со структурами предметов познания. Она или предопределена памятью, если речь идет о представлении извлеченной формы, или произвольно сформирована мыслительными усилиями субъекта. Тело свое субъект строит из элементов объективной реальности и изменяет и развивает его в результате взаимодействия своего организма с ней и чувствования и восприятия результатов этого взаимодействия. Выявляющиеся при этом отображения объективных реалий поступают в субъект восприятиями, запоминаются, затем извлекаются из памяти в виде структуры элементов (антиощущений) представления и используются для самоуправления или без изменений или после обработки их мышлением. Возможны ли какие-нибудь иные

1). Д. Юм. Соч. в 2-х томах. М., 1966 г., т. 1, стр. 796

пути и способы получения идей? Возможна ли врожденность идей? Входит ли что и что и как входит в субъект-индивид от и из общества, из истории общества, или еще из и от чего-нибудь?

Ведь получением исчерпывающего логически стройного и фактически истинного объяснения (выведения из абсолютно истинных начал и элементов) сущности знания (идей) и начинаемости процесса образования его у человека в период его рождения, и преодолевается концепция врожденности идей, являющаяся основанием для многих неистинных или и реакционных квазиобъяснений.

Краткое определение идей, которое дал М. В. Ломоносов, непреходящее: «Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем». 1), т. е. всякая идея есть прежде всего представление. А представление, как мы уже знаем, есть там и тогда у субъекта, где и когда он представляет (испытывает, переживает феноменами явности) любое антиощущающееся содержание, элементарное или сложное, извлеченное из своей памяти или сформированное в воображении из различно антиощущающихся элементов и проявляющихся, или выявляющихся, или формирующихся субъектом в любой той форме границ-ничто их с иными антиощущениями, в которой они вообще могут быть. Следовательно, идея может появляться лишь после появления в памяти того, что может быть извлечено в представление.

Проследим процесс образования идеи в организме человеческого индивида в период и после его рождения, и в результате решим вопрос о возможности врожденности идей.

Предоставим здесь слово Григору Татевани: «Если кто-либо спросит нас, что же служит источником возникновения человека, мы отвечаем: сила семени, находящегося в нас, ибо именно она есть источник образования материального тела и источник рождения души.

В этом семенном веществе потенциально скрыта душа, которая затем проявляется актуально, сообразно с разви-

1). М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., М., 1950-57 гг., т. 7, стр. 100.

тием этого вещества». 2) И это семя, конечно, есть не что иное, как особым образом оструктуренная система особых элементов, система, образовавшаяся от совмещения и слияния двух составляющих ее противоположностей, поступивших к месту слияния как результат «любви посева, что растит любимой кровью» (Шота Руставели). Это сила семени отца, соединяющегося с противоположной силой противоположного семени матери и помещаемая в специфическую среду, изменения в которой оказываются питательными, благоприятными и соответствующими изменениям процесса развития зародыша, который теперь представляет собой новый этап в развитии структуры элементов вещества своего тела. Идеальность и материальность в нем есть изначально и развиваются, но мышления и идей еще нет.

«Заключенная в этом веществе образующая сила, — продолжает Григор Татевани, — сперва подготавливает материю к жизни, затем к ощущению и лишь потом к мышлению. И это главным образом потому, что природа не может действовать внезапно, она постепенно поднимается от несовершенного к совершенному». (там же).

Тело человеческого зародыша находится в утробе матери, питаясь элементами ее тела и специфической среды, ее телом создающейся. И то, что выделяет зародыш взамен поглощаемых им элементов тела матери, поступает в тело материнского организма и, накапливаясь в нем (а не в теле зародыша), влияет на состояние и взаимодействие сознания и тела именно материнского организма и проявляется феноменами яйности этого организма. Вследствие этого (и пока это сохраняется) у зародыша не может сформироваться сознание и не могут появиться феномены яйности как результат взаимодействия (взаиминдукции) этого сознания и этим сознанием обладающего организма. И лишь по мере возрастания ребенка, когда созревает противоречие между потребностями тела ребенка и возможностями их удовлетворить утробной средой и телом матери, по мере подхода естественного развития всего этого процес-

2). «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. 1, стр. 655—656.

са к переходному этапу, те материальные элементы, которые выделяются телом эмбриона в обмен на поглощающиеся им, накапливаются и со временем начинают поступать и в ту область зародыша, которая предшествующим развитием предобусловлена к этому и к формированию в ней сознания, от чего и начинает проявляться и живость зародыша (самостоятельная живость имеется в виду) и его яйиость. Движение проявляют те органы эмбриона, какие больше всего для этого созрели и предрасположены, и проявляют такое движение, к какому они больше всего пригодны и предрасположены предшествующим развитием и ситуацией условий.

Насколько и какого не было того различия между телом ребенка и средой утробы, которого достаточно для формирования и проявления ощущения, настолько не было у утробного ребенка и ощущений этого и такого внешнего. И восприятий у него не было настолько, насколько не было движений его тела относительно утробы, достаточных для выявления архитоники ощущений восприятия. Зарождается и развивается не ощущение и не восприятие и, тем более, не идеи, а организм, в котором развивается и процесс ощущения, и процесс восприятия, и процесс представления и мышления и появляются идеи как результат процесса представления и мышления. Ощущения и восприятия внешнего появляются у зародыша, развивающегося к рождению в виде ребенка, лишь тогда и в той мере, когда появляется вокруг него отличное от него в мере, достаточной для того, чтобы вызвать в этом организме субъективные феномены яйности, посредством которых и могут вызываться и управляться движения органов и могут выявляться и фиксироваться структуры-ничто объективной реальности в структурах-ничто восприятий или представлений.

Лишь по мере прохождения через сознание ребёнка восприятий в его органе памяти фиксируются соответствующие структуры, которые, будучи извлеченными из памяти в виде антиощущений или их комплексов, могут содержать в себе соответствие структурам-ничто внешнего и оказаться истинными или ошибочными. А без этого память ребенка представляет собой соответствующее образование из биове-

щества, различия структурно-элементных участков которого предопределялись не различиями воспринимающихся ощущений, а предопределялись процессом образования, питания, самосборки и саморазростания этого тела как органа подсистемы в системе материнского организма, создающего вокруг него и в нем соответствующие условия на всех, охватываемых влияниями организма, уровнях сложности. Поэтому и в этом отношении и мере и следует считать, что все дети от рождения равны между собой, к какой бы национальности или расе ни принадлежал бы каждый из них.

Вот и выходит, что в объяснении процесса зарождения каких-нибудь идей у индивида, развивающегося из эмбриона и через рождение к способности сформировать идеи в себе, в какой-то мере соответственно воспроизводится ход объяснения процесса развития реальности и процессов отражения и развития форм отображения в ней: в онтогенезе разворачивается то, что суммировалось в результате филогенеза, а филогенез вида кумулирует существенные результаты в онтогенез индивида. Историческая эволюция вида кое в чем повторяется в развитии историю творящих индивидов.

Вышесказанное есть лишь общее и предварительное объяснение вопроса о врожденности идей. И читателю, еще не читавшему «Логов...», многое остается еще непонятным — особенно глубинно-подробные структурно-элементные механизмы, реализующие собой все эти процессы, исчерпывающее познание чего можно получить выведением из отчетливо, окончательно и абсолютно истинно познанных всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего реальности, к чему мы и продвигаемся. Ибо невозможно исчерпывающе познать и понимать работу нейрона (не говоря уж о сознании и всей нервной системе), не зная сути его составляющих элементов (биомолекул), а познать строение и работу последних невозможно не познавши их составляющих атомов; а познать состав, строение и работу атомов невозможно не познавши глубинного, их составляющего; а познать последнее невозможно не познавши исходных предельно глубинных и всеобщих начал и элементов реальности. А такого исчерпывающего, окончательного и абсолютно истинного познания последних, на которое человеческий разум способен вообще, оказывается можно достигнуть в резуль-

тате того предварительного уяснения и уточнения процессов и результатов, форм, возможностей, источников и путей познания, которое обеспечивается использованием обновленного логико-понятийного аппарата, излагающегося и развивающегося «Прологами...».

§ 2. Про общественные системы.

I

Нам известно, что развитие реальности, результатом которого является образование и различных живых систем, не остановилось на таком состоянии, чтобы живые организмы существовали лишь в виде множеств разрозненных и единичных систем, не входя элементов в состав систем высшего уровня сложности. Различные индивидуальные живые организмы и индивид Гомо сапиенс не являются наивысшей формой существования живых систем реальности: на них не заканчивается иерархия уровней сложности живых систем. Развитие природы приходит к образованию видовых и общественных систем и переходит в развитие общества и человечества, т. е. переходит к новому уровню сложности, к более сложным целостным системам. Развитие живых организмов в целом и продолжает идти не только по линии развития индивидуальных систем данного уровня сложности, но и в направлении образования систем высших уровней сложности, элементами которых становятся индивиды. Нужно выяснить, что же человек получает из общества и из истории в ходе развития своих познавательных способностей.

Жизнь индивидуального субъекта сохраняется удовлетворением потребностей, что достигается в результате соответствующего взаимодействия его с объективной реальностью. Формированием представлений для достижения интересных восприятий и лучшей воспринимаемости их субъект развивает и совершенствует управляемость соответствующих движений органов своего тела и этим обуславливает специализацию своих органов, изменение в направлении развития которых в свою очередь изменяет и развивает соответствующие ощущения и антиощущения, что оказывает обратное влияние на развитие мышления и чем обуславливается специфичность развития всего тела субъекта.

Весьма важное ускорение развития мышления и специализации органов движения обуславливается тем, что организм предчеловека, а потом и человека, начинает воздействовать на предметы объективной реальности на определенном этапе своего развития не непосредственно всем телом или органами своего тела, а опосредуя это воздействие другими объектами, которые он затем совершенствует и доводит до состояния орудий труда и предметов потребления. Создание, дальнейшее развитие и использование орудий труда создало новые условия существования наших предков, новые возможности для различий в специализации, для обмена видами и результатами производства, для объединения, для повышения производительности и для присвоения части производимого соответствующими индивидами и прослойками. Причем орудия труда и предметы потребления являются не только причиной, ускоряющей дальнейшее развитие потребностей, мышления и развитие специализации движения соответствующих органов, но и следствием как предшествующего, так и последующего развития потребностей, мышления и специализации движения организма субъекта во всей целостности и взаимосвязи его органов и процессов. Крайние и односторонние оценки роли предметов потребления и орудий труда, органов и процессов мышления и движения, потребностей и восприятий при развитии предчеловека в современного человека являются ограниченными и одинаково ошибочными в своих противоположных последствиях.

Вследствие обитания некоторого множества индивидов предчеловека в некоторой ограниченной области у каждого из них будут появляться интересы, среди которых будут выявляться и проявляться и общие (одинаковые) интересы для всех их или для какой-либо группы индивидов всего этого множества. Движения, действия этих индивидов по удовлетворению своих интересов неизбежно приведут к взаимодействиям, результаты некоторых из которых будут благоприятными и содействующими достижению цели, а результаты других — неблагоприятные и противодействующие. При последующих формированиях этими индивидами представлений о целях, о путях и средствах достижения целей в содержание этих представлений будут включаться извлеченные из памяти запомнившиеся фрагменты и элементы

структуры межиндивидуальных взаимодействий и их результатов; что становится предпосылкой формирования тех нравственных представлений, к которым соответствуют данному этапу развития этих индивидов и их взаимоотношений. Суждение Демокрита по этому вопросу: «Так как на них нападали звери, то они стали научиться взаимно помогать друг другу благодаря пользе, (приносимой совместными действиями). Собираясь же вместе вследствие страха, они мало-помалу стали познавать знаки, (подаваемые ими) друг другу».)

Памятью индивидов будут фиксироваться, а их сознанием будут постепенно выявляться и выделяться такие сигнальные движения органов тела, которыми сопровождаются доминантные воспринятые переживания и которые затем оказывают влияние на поведение других индивидов, поскольку и они, переживая подобное, производили почти такие же движения соответствующих органов, чем и обусловлено влияние этих сигнальных движений на процесс формирования представлений. Всприятием отображений сигнальных движений: более легко запоминающихся и вспоминающихся, облегчается извлечение из памяти соответствующих с ними связавшихся ассоциаций, которые субъектом включаются в содержание формирующегося у него представления.

Сигнал — это такое элементарное, относительно простое отображение сигнального движения, которое может оказать влияние на изменение поведения принявшей его системы не своим непосредственным воздействием, а через влияние на формирование того представления (программы), которым предопределяются последующие состояния этой системы; сигнальная информация — это множество или поток сигналов.

Такие сигнальные движения соответствующих органов в дальнейшем специализируют орган и высвобождают его от иных движений; что предопределяет дальнейшее развитие этого органа, совершенствование сигнальных движений и закрепление их за этим органом. Естественно, что эту функ-

Д. «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. 1.
стр. 343—344.

цию производства сигнальных движений берут на себя те органы, которые в период начинаемости развития мышления оказались больше всего способными ее выполнять: благодаря лучшему соответствию производимых этим органом движений и отображений (вовне), условиям распространения этих отображений в окружающей среде и приему их другими индивидами (подобно тому, как из мира всевозможных товаров выделяется особый товар — золото и серебро, — берущий на себя специфическую функцию денег, которая благодаря лучшему соответствию специфики свойств этого товара и функции обращения и выражения стоимости всех других товаров в процессе обмена затем и закрепляется за ним и предопределяет в известной степени роль этого товара в экономической жизни общества). У предчеловека ими оказались органы, развивающиеся в направлении расширения артикуляционных способностей и бравшие на себя производство и прием сигнальных движений и развившиеся в органы речи. Но какой орган примет на себя роль выполнения сигнальных движений — зависит не только от наличия такого органа у данного вида живых организмов, но: и от наличия у них такого органа, который не менее успешно и одновременно с первым берет на себя функцию приема и расшифровки сигналов, порождаемых движениями сигнальных органов, и справляется с этой задачей; и от уже имеющейся закреплённости этой функции за таким-то органом у окружающих индивидов (поместите здорового ребенка в среду глухонемых и изолируйте его от общения с нормальными людьми и он освоит язык глухонемых, хотя в потенции и мог бы стать или и может еще стать обычным человеком); и от наличия соответствующего уровня развития мышления в его способности к извлечению представления и к преобразованию извлеченной формы представления.

Особая организация органа опыта у некоторых насекомых предопределяет и соответствующий образ жизни: так называемые инстинктивные действия, перелеты, нахождение своего дома и пр. Сильная память индивида уменьшает потребность в непрерывности общения с другими индивидами этого вида.

Особенности потребностей или запросов тела на особые такости условий среды и предметов потребления, особен-

ности среды обитания, особенности органа опыта, мышления и прочих органов и всего тела организма обуславливают собой характер не только индивидуального поведения, но и общения индивидов вида, особенности образа их жизни и характер образующихся из них сообществ, т. е. общественных систем, их структур, прочности связей элементов, время объединения и распада, закономерностей их развития и пр. А такости образа жизни в свою очередь обуславливают и поддерживают такости развития органов.

«Центральное физиологическое явление в нормальной работе больших полушарий есть то, что мы называли условным рефлексом. Это есть временная нервная связь бесчисленных агентов окружающей животное среды, воспринимаемых рецепторами данного животного, с определенными действиями организма... Основная физиологическая функция больших полушарий, — физиолог И. П. Павлов, — во все времена дальнейшего индивидуального существования, и состоит в постоянном присоединении бесчисленных сигнальных условных раздражителей к ограниченному числу первоначальных, прирожденных безусловных раздражителей, иначе говоря, в постоянном дополнении безусловных рефлексов — условными»¹⁾.

Наличие у предчеловека таких органов и их движений (слух, речь, глаза, жесты, мимика и пр.) и совершенство их не только обусловили собой возможность выработки языка общения, но они сами также и в такой же мере являются следствием развития его организма, обладавшего, кроме этих органов, и иными, не менее существенными, особенностями, которые предопределили собой необходимость и неизбежность жизнедеятельности и развития организма предчеловека в условиях взаимозависимости и взаимодействия с другими себе подобными, т. е. предопределили выживаемость и прогресс лишь при общественном характере существования.

Продолжим словами Диодора о мнении Демокрита: «И тогда как (вначале) голос их был бессмысленным и нечленораздельным, постепенно они стали говорить членораздельно».

1). И. П. Павлов. Избранные произв., Госиздат. 1951 г., стр. 243—244.

но и в общении друг с другом стали устанавливать (словесные) символы относительно каждой из вещей, (и таким образом) они создали самим себе привычную речь обо всем (существующем). А поскольку такие объединения (людей) образовались по всей обитаемой земле, то не один язык возник у всех (людей), так как каждая (из групп) составляла слова как ей пришлось». 1)

«Вот почему, — пишет Эликур в письме к Геродоту, — и названия первоначально возникали не по уговору, но так как каждый народ имел свои особые чувства и получал свои особые впечатления, то сами человеческие природы выпускали, каждая своим особым образом, воздух, образовавшийся под влиянием каждого чувства и впечатления, причем влияет также разница между народами в зависимости от места их жительства... Кроме того, вводил некоторые предметы, ранее невиданные, люди знакомые с ними, вводили и некоторые звуки для них; в некоторых случаях они вынуждены были произнести их, а в некоторых выбрали их по рассудку согласно обычному способу образования слов и таким образом сделали их значение ясным.» 2)

В результате этого, — продолжим словами Диодора о мнении Демокрита, — появились разнообразные языки со своими особенностями, и (такие) первоначально образовавшиеся объединения людей стали родоначальниками всех народов...

С того времени, мало помалу научаемые опытом, они стали зимою искать убежище в пещерах и откладывать про запас те из плодов, которые могут сохраняться... Сама нужда служила людям учительницей во всем, наставляя их соответствующим образом в познании каждой (вещи). (Так нужда научала всему) богато одаренное от природы живое существо, обладающее годными на все руками, разумом и сметливостью души» 3).

II

Г. Самовозникновение и существование различных общностей людей как целостных систем более высокого уровня

1) «Антология мировой философии», М. 1969 г., т. 1, стр. 344

2) Там же, стр. 353

3) Там же, стр. 344—345

сложности, когда каждый человек входит в состав такой системы в качестве элемента, обусловлено тем, что общность людей как система обеспечивает более благоприятные условия для составляющих ее элементов по сравнению с условиями существования их вне этой системы.

Еще Луций Анней Сенека писал, что «Общительность обеспечила человека господством над зверями. Общительность дала ему, сыну земли, возможность вступить в чуждое ему царство природы и сделаться также владыкой морей... Она не дает случаю одолеть его, ибо ее можно призывать для противодействия случаю. Устрани общительность, и ты разорвешь единство человеческого рода, на котором покоится жизнь человека». ¹⁾ И Спиноза говорит, что из общения и общества «возникает гораздо более удобств, чем вреда» ²⁾.

Дальнейшее развитие состава и свойств элементов самой этой общественной системы, образующейся из множества индивидов и включающей в себя со временем все больше и все новые и новые элементы (в том числе и предметы потребления, орудия труда и прочее) и видоизменение той структуры, которая объединяет составляющих ее людей и все другие элементы, приводят к известным революционным процессам по перестройке этой структуры в соответствии с закономерностями этого развития.

Какая-нибудь общность людей может рассматриваться как самостоятельная система тогда, когда имеется какое-то общее целесообразное движение (деятельность, поведение) составляющих эту систему элементов. Без такого движения система не может проявить свою целостность, обособленность своего и свою самостоятельность в объективной реальности и не существует как системное образование соответствующего уровня сложности.

Первое условие, необходимое для самостоятельного образования общественной системы из данного множества индивидов — это наличие у них общего интереса. Второе условие — наличие информации об объекте общего интереса. Третье условие — наличие возможности принять такую информацию и правильно ее осмыслить. Четвертое условие

¹⁾ «Антология мировой философии», М., 1969 г. т. 1, стр. 507

²⁾ Б. Спиноза. Избр. произв., М., 1957 г., т. 1, стр. 583.

состоит в том, что свойства объекта общего интереса должны быть таковы, что вступление в такое-то взаимодействие такого-то количества людей ведет к возрастанию возможности для более легкого или благоприятного достижения общего интереса, удовлетворения общей для всех потребности. Так для реализации некоторых интимных потребностей люди стремятся к уединению, а для производства предметов потребления они вступают в соответствующие производственные отношения, от чего и потому что и поскольку от этого общая производительность труда возрастает. Достаточно высокая степень психического взаимодействия между индивидами может развиваться не только на базе трудовой деятельности, но и на базе иных факторов.

Разнообразие интересов человека обуславливает образование различных общностей для реализации этих интересов (супружеские, семейные, дворовые, соседские, игровые, криминальные и пр. коллективы, спортивные коллективы, коллективы на базе общности нравственных, интеллектуальных или эстетических интересов, производственные коллективы, национальные, классовые, партийные и др.).

Характер самого интереса и роль его в жизни человека в соотношении с другими его интересами обуславливает продолжительность пребывания личности в коллективе, образовавшемся на базе этого интереса, и характер существования (поведения) этого коллектива (продолжительность, интенсивность и характер проявления в нем активности образующих его личностей, непрерывность и перерывы его существования, распад, повторные образования, периодичность и пр.).

В ходе функционирования и развития общественной системы соответствующего уровня сложности, образовавшейся для реализации соответствующего постоянно действующего общего интереса, в ней будет возрастать упорядоченность взаимодействий, дисциплина, субординация, распределенность обязанностей, углубление специализации и производительности труда, будут уменьшаться беспорядочность движений, хаос, анархизм и случайность взаимодействий. Благопрогрессотворная система уменьшает, предотвращает случайности, неблагоприятные для элементов, т. е. повышает предопределенность благоприятных ему состояний, если эта система достаточно для этого развилась или прогрессивно

развивается, что обуславливается целями и структурой взаимоотношений индивидов с иными индивидами в системе. Осуществляется обобществление, социализация индивидов как элементов общественной системы.

Вне такой системы неблагоприятных случаев может быть больше и они с большей вероятностью могут нанести ущерб элементу, приумножить его трудности, страдания и пр. Структура взаимоотношений между индивидами в общественной системе в некоторой степени предопределяет поведения их, количество возможных состояний и проявлений сводит к меньшему числу или к возможности лишь одного варианта поведения, обуславливает непрерывность продолжения такого-то варианта поведения или такую-то прерывность его. При соответствующем развитии общественной системы будет уменьшаться энтропия и возрастать неэнтропия структуры между образующими ее элементами, что обуславливается облегчением достижимости и возрастанием реализуемости общего для индивидов этой системы интереса. Уменьшение этой реализуемости вызывает у элементов поиски иных возможностей и повышение энтропийности структуры элементов этой системы,

Еще условие, способствующее повышению прочности образовавшейся общественной системы, состоит в том, что ее элементы способностями или мерами способностей отличаются друг от друга, а при вступлении во взаимодействие взаимно компенсируют и дополняют друг друга в потребных способностях.

Следующее условие, необходимое для нормального функционирования образовавшейся общественной системы с сохранением характера той структуры, в которой взаимодействуют составляющие эту систему индивиды, является сохранение или возрастание удовлетворимости общего для большинства индивидов интереса в такой-то структуре взаимоотношений, сохраняемость и возрастание возможности обеспечения более благоприятных условий для достижения данного интереса в данном коллективе по сравнению с условиями реализации этого интереса вне этой общности или по сравнению с последствиями отказа от реализации этого интереса.

Разнообразие природных и социальных условий разви-

тия как в филогенезе, так и в онтогенезе предопределяет разнообразие в специализации развития индивидов: одних — по линии физического труда; других — по линии создания и совершенствования орудий труда; третьих — по линии развития мышления и способности к выражению своих мыслей и убеждать в них окружающих; четвертых — по линии совершенствования организаторской работы с другими и т. д. Эта специализация ведет к более высоким достижениям в каждом из направлений и к созданию условий для объединения в более прочные общности, а в итоге и к росту производительности труда, что в свою очередь обуславливает возможность обеспечения средствами для существования и реализуемость интересов тех, кто выделяется в особые общественные органы и берет на себя функции управления, накопления и хранения опыта всей общности. Достижения одних в познании используются другими в восполнение недостатка (отставания) в этом, а излишек в вещественных предметах потребления, в орудиях труда и пр. у других используется для образования взаимобмен, взаимосвязей и взаимодействий с нуждающимися в этом.

Присходит отделение умственного и управленческого труда от физического и орудийно-производственного. Семья и род выступают такими общественными образованиями, которые обеспечивают передачу результатов специализации, накопления, хранения и передачи опыта, традиций, знания, предметов потребления и орудий труда. К тому, что обуславливает развитие индивида в онтогенезе, все больше подключается и влияет историческое прошлое общества. Достижения индивидов в своем развитии не пропадают с их смертью, а кое-что остается и оказывает влияние на новое поколение.

Научным познанием значительно больше люди стали заниматься лишь после того, как было налицо все необходимое для жизни и общения, когда мышление, практика и язык развились до состояния, обеспечивающего реализацию необходимого и достаточного для жизни, когда образовался досуг у некоторых индивидов, когда проявились общественная потребность в приращении познания и соответствующая специализация людей.

В каждой общности людей из составляющих ее индиви-

дов выделяется центр управления этой общностью, структура свойств которого при достижении своего зрелого состояния оказывается выротивооложенной по отношению к структуре той части этой общественной системы, которой данный центр управляет. Управляемые получают из центра управления информацию о том, что и как нужно им делать, и дают центру управления средства для удовлетворения интересов тех личностей, которые входят в состав этого центра, и для обеспечения целостности всей системы; центр управления дает управляемым информацию о том, что и как необходимо делать для того, чтобы быстрее и с меньшими затратами труда достичь удовлетворения интересов. Если при этом центр управления практически обеспечивает приращение или сохранение благоприятных условий для управляемых, то система функционирует без противоречий и борьбы между центром управления и управляемыми. А если этого нет, то начинается, происходит и развивается борьба между управляющими и управляемыми, между эксплуататорами и эксплуатируемыми, заканчивающаяся в конце концов: победой производителей, победой благопрогрессотворных идей, дел и делей, победой народных масс и прогрессотворных классов — заканчивающаяся в итоге за достаточно продолжительный исторический период победоносными и благопрогрессотворными революциями и социально-структурными подстройками и перестройками, ибо производителей вещественных и идейных ценностей больше, они образуют собой общественную систему, возвращающую и вскармливающую собой и центр управления, управленческие и силовые органы и структуры.

Образование центра управления общественной системы обуславливается еще и тем, что производство знания может выполняться одним индивидом или несколькими и передаваться большинству или всем без потери его у себя (автора), в то время как производство предметов потребления выполняется всеми или большинством, а передаваться другим при мало заметном ущербе для производителей могут только от большинства или от всех для одного или немногих. Ведь передающий свои идеи другим не теряет их у себя в отличие от того, как это имеет место при передаче предметов.

Итак отметим, что для образования, функционирования

и сохранения целостности какой-либо общности как системы еще одним важным условием является образование в ней ею управляющей подсистемы, свойства и структура элементов которой соответствующим образом выпротивоположены по отношению к структуре элементов «тела» всей этой целостной системы, управление движений, деятельности которого берет на себя эта подсистема.

Заканчивая экскурс с целью выяснения общественных систем отметим, что для объяснения всего в человеке и в обществе нет потребности в чем то еще, кроме тех материальных нечто и идеальных ничто, из которых все образуется и в которые все разлагается. Деятельность, жизнь и управление в общественных системах осуществляется движениями и мышлением живых людей этой системы и их органов, обменом и взаимодействием в процессе труда и в процессе мышления результатами труда и результатами мышления. Все мышление протекает лишь в головах индивидов и никакого надиндивидуального мышления и сознания нет. Есть лишь язык, оказывающий влияние на развитие и характер протекания мышления индивидов в процессе языкового и неязыкового общения и взаимодействия и сам являющийся результатом развития мышления и поведения индивидов из перечевого мышления в формы речевого мышления.

Вопрос: существует ли сознание или мышление объективно?

Ответ: Все дело в том, о сознании какого индивида идет речь и по отношению к чему решается возможность объективного существования его. Мое сознание во мне и для меня оно не есть и не может быть объективным в своем реальном существовании, ибо я субъект и мое сознание есть мое и во мне, если речь идет о реальном моем сознании, феномен которого не следует путать с моим знанием о моем сознании. Но сознание иного субъекта по отношению ко мне и к моему сознанию есть объективное, т. к. оно не мое и не во мне, хотя мое знание о сознании другого субъекта есть во мне и оно есть соответствующая часть моей субъективной реальности.

Вопрос: есть ли в общественной системе что-нибудь еще, кроме составляющих ее индивидов?

Ответ: есть! это элементы реальной действительности,

включающиеся в общественную систему — средства производства, предметы потребления и вообще все то из реальности, что включается в существенные для общественной системы процессы в качестве существенных для нее элементов.

Вопрос: А есть ли в общественной системе что-нибудь еще, кроме составляющих ее элементов, имеющих, как уяснялось во второй части «Прологов...», материальное нечто и идеальное ничто и только?

Ответ. Есть! Это структура этих элементов, которой нет и не может быть без этих элементов, но которая обеспечивает появление новых свойств и качества, носителем и проявителем которых является не только какой-то элемент или какие-то элементы общественной системы, но и вся она сама, и которые исчезают при распаде или изменении этой структуры ее элементов. И эта структура состоит из структуры-ничто и из структуры-ничто, как и во всех и любых системах и элементах реальности. А для того, чтобы познать, какие структуры отношений между личностями, между людьми возможны и какие и как следует создавать и сохранять и развивать, чтоб в результате получался прогресс человека и человеческого в человеке, необходимо сначала исчерпывающе познать самого человека. А для этого необходимо познать исчерпывающе все то, из чего, и как, и почему, и куда человек развивается, может и должен развиваться, что можно познать выводением из окончательно и абсолютно истинно познанных всеобщих начал бытия и элементов сущего. Но прежде и для всего этого мы должны и необходимо провести уяснение сути того, из чего составляется содержание любой идеи, любого представления, и сути того, что же субъект при познавании производит сам, а что он получает из и от предмета познания и из и от общества и истории? есть ли что в идее индивидуальное и если есть, то что? продолжить проведение уяснения сути и возможностей форм познания и возможностей и путей исчерпывающего их использования для достижения такого предельновозможного познавания интересующих нас предметов, на которое человеческий разум способен вообще.

Г Л А В А 2.

§ 1. О ПОНЯТИИ.

1.

«... На вопрос о специфике понятия как структурной единицы высшей формы мышления ни логика, ни психология не дают сколько-нибудь однозначного ответа» ¹⁾.

Невозможно исчерпывающе, безошибочно, истинно и окончательно познать какой бы то ни было предмет посредством понятий, не познавши достаточно полно и точно понятие как форму отображения, познания и понятного другим выражения и взаимосогласования результатов своего познания; — не познавши отображательных, познавательных пригодностей, возможностей понятия и возможностей их развития и более полного использования понятия в сравнении с другими формами отображения, познания, — не познавши понятия выведением его развития, его получаемости из ему имманентно предшествующих, его возвращающих, его составляющих и им синтезирующихся процессов и форм отображения, познания и знания.

Выяснение и определение смысла понятия как формы познания, его отличительных и дополнительных свойств и возможностей по сравнению с представлением, с неречевым мышлением, что выяснено в третьей части «Прологов...», надо вывести в качестве результата усложнения и развития допонятийных, более простых и предшествующих в развитии, форм познания, и в ходе этого выведения уяснить и уточнить суть понятия, его отличительные признаки и обеспечивающиеся им возможности познания (в том числе и еще недостаточно использующиеся или не использующиеся); а не брать его в готовом виде, некритически, истолковывая его в традиционном смысле, не выводя его из его образующего.

В результате исследования процесса отражения на различных структурных уровнях мы уяснили сущность, возможности и ограниченности неречевых форм познания (ощущение, восприятие, память, антиощущение, представление и процессы формирования, развития и взаимопереходов этих форм), роль и взаимодействие их в процессе познания,

¹⁾ Л. М. Веккер. «Психические процессы». Л. 1976 г., т. 2, стр. 194.

жизнедеятельности и поведения индивида. При этом было выяснено, что антиощущение, представление и процесс мышления есть ход и результат процесса, противоположного по своей сущности процессу ощущения и восприятия. Хотя представление и процесс мышления и обусловлены предшествующими ощущениями и сопровождаются антиощущениями, но процесс и результат мышления и представления не имеют жесткой связи с таковыми антиощущений и в процессе формирования представления их таковыми заполняющиеся протяженности могут взаимозаменяться, переставляться, подменяться и пр. (например, форму листка березы мы можем представить себе при помощи антиощущения и зелености, оранжевости, и коричневости и пр.).

Нам нужно выясниться и использовать до предела все возможности нашего ума, наших познавательных способностей, которые можно использовать вообще для исчерпывающего и окончательного познания предмета вглубь. Человек может мыслить и мыслит все то и такое, что и какое вообще он может мыслить. А может он представлять и мыслить только протяженности и формы протяженностей антиощущений и различные взаиморасположения их между собой с границами-ничто между ними. И если мы познаем еще и то, как при помощи этого истинно и исчерпывающе познавать интересующий нас предмет познания с использованием до предела всех познавательных возможностей наших органов познания, то мы и сможем достигать предельно возможного познания данного предмета. Если мы научимся истинно познавать настолько глубоко и всяко так, насколько и как только вообще способны наши органы познания, то мы и сможем достигать максимально возможного познания. Следовательно, все дело в том, чтобы познать пути и возможности получения истинного знания. Познание формой представления как раз и предоставляет человеку свободу для творчества. Мысли как хочешь из того, что и как ты можешь вообще мыслить, лишь бы результат твоего мышления был истинным! А истинность представления как результата воспоминания или как результата творческого мышления может быть проверена или через установление соответствия с чувственными данными, или через мысленное установление соответствия структуры эле-

ментов этого представления с другими элементами или фрагментами человеку представляющегося содержания, истинность которых была установлена ранее. Но истинность этих других элементов или фрагментов также устанавливается или только через установление соответствия с восприятием чувственных данных, или через установление соответствия с другими истинными элементами и фрагментами человеком представляющегося содержания. Поэтому, пока мы не выясним иных возможностей установления истинности результатов мышления, возможности истинного познания формой представления ограничиваются в конце концов возможностью проверяемости каких-то результатов этого познания в восприятиях, ограничиваются соответствующими способностями органов чувств и тела организма (чувствительность, различающая и проникающая способности).

Другая ограниченность представления состоит в том, что фиксирующиеся в представлении результаты познания не имеют выхода к другим индивидам; и поэтому нет возможности содержание представления одного индивида сопоставить, проверить и согласовать с опытом другого индивида (других индивидов), нет возможности для передачи опыта потомству и для накопления, хранения и развития знания в обществе в ходе его исторического развития. Однако, как мы это уяснили ранее, представление даже без перехода в иные формы познания обладает способностью к развитию и может проявляться то извлеченной формой представления, то произвольно творчески сформированной формой. И то, что содержание представления, состоящее из различных антиощущений и границ ничто между ними, в процессе формирования не имеет ограничений для всевозможных субъективных преобразований, кроме того ограничения, которое накладывается критерием истинности, то, что структурные образования, составляющие собой содержание представления, формируемые в результате процесса мышления, податливы всевозможным субъективным преобразованиям (осознанным и неосознанным): замены одних антиощущений другими, взаимоперестановки, уменьшения и увеличения протяженностей антиощущений, и пр., и то, что в представлении мы можем сколь и как угодно нам «увеличивать» и «уменьшать» размеры и количества антиощуще-

ний и из них составляющихся образов, что мы можем при помощи варьирования взаиморазмеров, взаимоформ, взаиморасположений и взаиморазличий антиощущений в воображении образовывать такие всевозможные формы структур-ничто и структур-ничто, которые могут оказываться подобными, соответствующими, в той или иной степени истинными по отношению к структурам-ничто множества элементов объективной реальности иного уровня сложности, — все это, наряду с прочим, и дает возможность человеку при помощи творческого мышления обдумывать, предугадывать и в результате познавать объективную и субъективную реальность вширь и вглубь, многое из чего еще не уяснено в теории и не используется в практике познания.

Но такое преимущество представления, как податливость его содержания субъективным преобразованиям, в соответствующих условиях проявляется и как его недостаток, ибо для истинного познания нужны и логика и формы мышления, менее зависимые от вводящего в заблуждения неосознанного или преднамеренного произвола и от специфических особенностей индивидуального субъекта.

Вредные для истинности знания последствия податливости содержания представления произвольно творящему его человеку надходят компенсацию в объективной обусловленности процесса выживания и закрепления в общественном опыте результатов познавательного творчества человека, что и обуславливает переход и достигается переходом представления в речевую, в общественную форму познания — в понятие, когда в процессе языкового общения индивидов в обществе и в ходе общественной и индивидуальной практики содержание представления получает возможность вывериться, выобщиться и освободиться от индивидуальной субъективности и односторонности, от временной ограниченности индивидуального опыта.

Одинаковые предметы, производившие на человека сходные восприятия, получают общее для всех их имя, а в той мере, как предметы вызывали у человека разные восприятия, по отношению к ним выявлялись и закреплялись у людей и разные имена.

II

Переход представления в понятие обуславливается тем, что одновременно с приемом какого-либо элемента или

фрагмента структуры доминантного восприятия этот же или другой человек производит соответствующим органом такое движение (звук или жест), которое уже стало или станет в будущем сигнальным, символическим движением. Идеальная структура-ничто отображения этого сигнального движения, распространяясь известным нам образом в среде, играющей роль канала связи, воспринимается вместе с несигнальным доминантным восприятием, поступает в орган памяти принявшего это отображение человека и оструктурируется там взаимосвязно с несигнальной структурой доминантного восприятия. А при повторном восприятии этого сигнального отображения без ранее им сопровождавшегося несигнального восприятия, запомненное последнее актуализируется в органе памяти и извлекается из памяти в виде соответствующей структуры из материального и идеального соответствующего комплекса антиощущений и осознается человеком как смысловое содержание представления извлеченной формы.

«Мы постигаем боль другого,—пишет П. В. Симонов, —исключительно благодаря нашей собственной способности испытывать чувство боли. Никакого иного способа проникнуть во внутренний мир другого человека у нас нет»¹⁾. Если один индивид несколько раз переживал, например, чувство боли в результате обжига пальца при исследовании огня восприятием (прикосновением), которое вызвало характерное одергивание руки и звук, и если в последующем он воспримет отображение таких же движения руки и звука, исходящих от другого индивида, находящегося в сходной ситуации, то под влиянием этих движения и звука, получивших связь у первого индивида с его собственными переживаниями обжига и становящихся при этом для него сигнальными, символическими, извлекается из памяти первого индивида антиощущение обжига. Так и вызывается и закрепляется сопереживание одного индивида другому, что является одним из основных условий для вспомоществования, для установления взаимопомощи и взаимодействий между несколькими индивидами, — условий, ведущих к объединению индивидов в общество. Индивидуальные особенности реагирования

1) П. В. Симонов, «О познавательной функции сопереживания», журнал «Вопросы философии» № 9, 1979 г., стр. 137.

на крик боли, на зов о помощи зависят преимущественно от наличия у реагирующего и глубины следов им пережитого, извлекающегося из памяти под влиянием соответствующих сигналов, а также от особенностей господствующих у него интересов и пр.

Неоднократное извлечение из памяти у нескольких индивидов одинаковых структур антиощущений, облегчающееся и осуществляющееся под влиянием восприятия связанных с ними отображений одинаковых сигнальных (символических) движений (знаков, звуков) и являет собой процесс перехода представления в понятие. Понятия образуются у индивида не путем перенесения их в готовом виде в индивид от другого индивида или из общества, а так, что каждому индивиду заново приходится производить развитие в себе всех тех форм процесса отображения, которые необходимы и достаточны для образования понятия, т. е. производить в себе развитие восприятий в представления, а представлений в понятия (связыванием одинаковой символической структуры с выобособившимися и выобщиившимися комплексами антиощущений, одинаковыми у нескольких индивидов и в соответствующей мере истинно отображающих в себе одинаковое, имеющееся во множестве предметов познания). Понятно, что выработка понятий не только облегчается и ускоряется при помощи других индивидов и общества, но и не может осуществиться без них.

Одинаковые предметы или явления внешней среды вызывают одинаковые структуры-ничто, несомые комплексами ощущений, такости чувствований которых частично, разумеется, могут изменяться в зависимости от индивидуальных особенностей и состояний каждого субъекта и условий; а поэтому частота совпадения их с определенными комплексами сигнальных восприятий ведет к закреплению связи между ними. Впоследствии получается, что восприятия отображений сигнальных движений извлекают (вернее облегчают извлечение) из памяти смысловое содержание представления, в структуре антиощущений которого отобразились самые существенные и отличительные признаки целого класса однородных предметов, т. е. тех признаков, которые ярче всего, чаще всего и т. п. повторяются при таких-то чувственных восприятиях таких-то предметов. В результате этого

понятие выступает такой формой познания, в которой связываются отображения сигнальных движений с отображениями существенных и отличительных признаков целостных, обособленных и разрозненных предметов или явлений, т. е. таких предметов или явлений, которые всегда предстают перед органами чувств человека в виде какого-то структурного комплекса сосуществующих свойств и качеств, при восприятии одновременно вызывающих соответствующий структурный комплекс чувственных данных. Отношения же, взаиморазмеры, взаиморасположения, взаимодействия и т. п. (-структура) между целостными и обособленными предметами и явлениями находят свое отражение и выражение в иных, более сложных по сравнению с понятием, формах познания, в логике понятий, т. е. в таких более сложных образованиях, в которых понятия выступают в роли элементов, структурой своих связей образующих это сложное образование (словосочетание, суждение или умозаключение и пр.).

По мере того, как в процессе общения и взаимодействия людей соответствующей общности структура отображений сигнальных движений вызыванием у каждого в представлении одинаковых смысловых структурных фрагментов становится общей для данной общности людей и оказывается удобной в процессах произведения их, распространения по каналам связи и в процессах приема, различения и опознавания их субъектом, она становится структурой-ничто отображения языкового элемента соответствующего уровня сложности: слова (комбинация из нескольких фонем) или общезвестного знака и т. п.

В процессе воспринимания символических отображений субъектом выявляется архитектура восприятия символической информации, которая затем поступает в память, фиксируется в ней и может извлекаться из нее представлениями символической информации. Представление о структуре символического (языкового) элемента, взятой самой по себе, не в качестве имени или символа чего-то иного, является просто представлением и может быть смысловым содержанием, функционально связанным с какой-нибудь другой языковой (символической) структурой. Но представление о символической (языковой) структуре, взятое лишь как имя, лишь как условный знак функционально связанного с ним смыслового содержания, будем называть символом-представлением.

Представление как форма познания индивид-субъекта, еще не достигшая формы понятия, т. е. представление о любом объекте мысли, не имеющем выобобществленным образом закрепленного за собой обобществленного имени, условного знака, языкового элемента, есть представление и только; и его составляющим смысловым содержанием является структура-ничто и структура-ничто комплекса антиощущений, отображающих собой соответствующий предмет познания. По термину «смысло-представление» будем называть лишь те представления, которые уже имеют обобществленным образом закрепленное за ними обобществленное имя.

С появлением и развитием языка появляется и развивается возможность каждому овладевшему им оказывать влияние на процесс формирования представлений у другого; люди приобретают символическое средство познания. И если вначале слова были грубыми звуками и не имели в себе развитых и отчетливых, легко опознающихся фонем и образимой ими структуры, то и условий для различения слов было меньше, а такие слова были способны вызвать весьма общие догадочные представления. Вставим здесь слова Ламетри: «Как мы видим, нет ничего проще механики нашего восприятия: все сводится к звукам или словам, которые из уст одного через посредство ушей попадают в мозг другого, который одновременно с этим воспринимает глазами очертания тела, произвольными обозначениями которых являются эти слова»¹⁾.

По мере того, как индивид все больше втягивался в структуру общественной системы, а информационное и трудовое общение становилось все более интенсивным и жизненно важным, потребность в усилении возможности влиять на формирование представлений у других и потребность ознакомиться с представлениями у других возрастала у каждого члена данного общества, что вызывало усиление потребности в развитии языка общения и его органов (речи и слуха, зрения, движений и мимики). Но возможность углубить и конкретизировать влияние на процесс формирования представлений может быть обеспечен лишь по мере дробления символических (языковых, звуковых) сигналов на такие элементы, которые хорошо кинематируются и хорошо

1), «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 613,

воспринимаются органом приема (слуха) и каждый раз адекватно опознаются и которые в состоянии вызвать из памяти такие простые смысловые элементы, из которых удобно формировать сложные структуры, после чего благодаря варьированию порядками и последовательностью языковых элементов, слов и словосочетаний (что образует и развивает предмет грамматики) появляется возможность более подробно, более дифференцированно влиять на формирование смыслопредставлений с любой сложностью их структуры. И шлифуются слова веками. Развивается язык как средство общения, средство установления взаимопонимания, средство фиксации, хранения, накопления и обновления знания, как средство согласования своих мыслей, а через них и своих действий, согласования структур взаимоотношений и взаимодействий между индивидами и в общественных системах вообще. И если разногласия между людьми часто обуславливаются только тем, что люди неправильно выражают свои мысли, или тем, что неверно истолковывают чужие, то согласие в их мыслях достигается, наряду с прочим, правильным выражением своих мыслей и правильным истолковыванием чужих, а согласие в делах достигается организацией дела в соответствии с согласованными мнениями о них. Средством для согласования мнений и дел является язык, а результатом согласованности мнений является развитие форм познания и понятий, образование множества понятий с обобщенными смыслами.

Практически неограниченная возможность для этого обеспечивается тем, что артикуляцией и кинематикой органов речи (передачей сигналов) и анализацией органов слуха (приемом сигналов) выделяются фонемы или знаки, из различных комбинаций множества которых образуются слова с устойчивой и хорошо опознаваемой всеми специфической для каждого слова структурой, а из осуществляющихся при помощи морфем видоизменений этих слов образуются различные состояния этих словесных структур. А грамматические словосочетания еще больше расширяют возможности образования необходимых структурных элементов и фрагментов языка любых уровней сложности. Развиваются и совершенствуются слова и морфологические

правила их видоизменений, развивается словарный запас языка и его грамматика, развивается возможность для более глубокого, тонкого и точного выражения мыслей и сличения мыслей в обществе между индивидами.

Таким образом, язык в своем развитии имеет тенденцию к дроблению своих символических элементов и к связыванию этих дробных элементов в форме символ-представлений с соответствующими, одинаковыми для всех членов данной общности, структурными элементами и фрагментами смысло-представлений. Связями элементов и фрагментов смысловых структур с символ-структурами в органах памяти и мышления язык фиксирует и закрепляет опыт субъекта, облегчает извлечение его из памяти и позволяет выразить его другим. У услышавшего слово «стол» прежде всего возникает смысло-представление стола, а затем он может найти соответствующий предмет в окружающей среде и превращением смысло-представления стола в восприятие его облегчает извлечение из памяти с ним связанного символ-представления кинемы слова «стол», благодаря чему человек может указать на чувственно воспринимающийся стол и кинемировать (произнести) слово «стол», превратив тем самым символ-представление слова «стол» в кинемировавшееся вовне отображение соответствующего сигнального движения, чем и производится возможность самому и другому воспринять это слово и значение этого слова.

Следовательно, структура слова может быть принята нами только через соответствующие органы чувств и только в форме структуры восприятия, наполненной соответствующими ощущениями. А когда последствия восприятия структуры слова извлекаются из памяти, то это уже будет представлением структуры слова. Существенным для уяснения слова является то, что оно может существовать восприятием или кинемацией отображения сигнального движения, идеальная структура ничто которого зафиксирована в его материальной структуре не что соответствующего множества элементов среды, передающих это отображение и вызывающих ощущения данного восприятия и его архитонику, которая соответствующим образом оструктурена в органе памяти вместе с соответствующим структурным элементом

или фрагментом несигнального, смыслового восприятия,— оструктурена так, что восприятие этого слова актуализирует в памяти с ним связанный смысл и дает его смыслопредставлением сознанию человека, воспринявшего это слово.

В итоге выработки у человека какого-то понятия получается, что символ-структура приобретает в памяти такую связь со смысловой структурой, что восприятие ей соответствующих реаллий вызывает представление с ней связанной смысловой структуры, а восприятие реаллий, соответствующих смысловой структуре вызывает представление с ней связанной символ-структуры. Одновременное восприятие символа и смысла укрепляет связь между ними. А одновременно представить смысловую структуру и с ней связанную символическую структуру в том виде ее, в каком она воспринималась, вообще невозможно: представление той смысловой структуры, в которой представлен образ, отображающий предмет, вызывает представление символструктуры не в том виде, в каком она воспринимается, а в том комплексе антиощущений, который есть результат воспоминания процесса кинемации (произношения, произведения) этой символструктуры. Проверьте это: представление, изображение образа дерева вслед за собой вызывает такое воспоминание той структуры комплекса ощущений, которые мы получаем при произношении слова «дерево», что органы кинемации аж «шевелиются» соответствующим образом и испытывается потребность произнести это слово и этим превратить воспоминающийся комплекс антиощущений в соответствующий комплекс ощущений. В результате психического самоэкспериментирования и самоанализа удостоверьтесь также и в том, что представить себе одновременно и смысловую структуру предмета (например, образ лошади) и структуру с ней связанного слова «лошадь», но чтоб эти структуры представлялись как воспоминание о структуре их восприятий, невозможно. Т. е. не следует смешивать структуру восприятия слова «лошадь» со структурой представления о собственном произношении этого же слова: по отношению друг к другу они являются тождественными противоположностями; на это обратил внимание и Д. Гартли: «Слова можно рассматривать в четырех аспектах: во-первых, как впечатления, произведенные на слух; во-вто-

рых как действия органов речи; в-третьих, как впечатления, произведенные на зрение буквами; в-четвертых, как действия руки при письме»¹⁾; здесь мы видим, что Гартли различает впечатление как представление последствий восприятия слова, и как представление о структуре кинематики (произношения или написания и пр.) слова.

Будет неточно, если говорить, что слова есть знаки понятий, т. к. понятие включает в свой состав кроме представления смысло-структуры и представление символ-структуры, без которой оно не есть понятие, а лишь представление.

Томас Гоббс претворчительно писал, о двоякой пользе от речи: «Первое применение имени состоит... в том, что они служат метками для воспоминания. Второе — в том, что многие люди, пользующиеся одними и теми же словами, обозначают (при помощи их связи и порядка) друг другу свои понятия или мысли о каждой вещи, а также свои желания, опасения или другие чувства». ¹⁾ Т. е. обращается внимание на слова как на средство для воспоминания и как средство для общения, для взаимовлияния на процессы формирования и взаимопроверки содержаний мыслей.

Слово может существовать и без связанного с ним смысла, но лишь у данного индивид-субъекта, при наличии связанного с ним смысла у других индивидов (например: совершенно новое слово для данного человека, или слова иностранного языка, неизвестные, непонятные этому человеку). Произвольная же структурная комбинация звуков или иных движений без всякой установившейся в органах мышления, спасения или другие чувства». ²⁾ Т. е. обращается торой проявляется лишь отображением, которое не выполняет функции символа, не является ни словом, ни знаком, хотя и может стать таковым.

Как государство не возникло бы без способности индивид в развивать языковое, речевое взаимодействие, так и эта способность людей не возникла бы без наличия у предчеловека тех особенностей, которые обусловили собой объе-

¹⁾ См. «Английские материалисты XVIII в.» М., 1976 г., т. 2, стр. 312,

²⁾ «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 319

ление индивидов в общественные системы. А предшествующие и нынешние мыслители пытались и пытаются решить эти вопросы в отрыве один от другого в результате изолированного исследования того, что нужно для решения вопроса о возникновении речевого (языкового) общения, от исследования того, что нужно для решения вопросов о возникновении и развитии общественных систем. Оба эти процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Говорят, что слово всегда общее, а вещь всегда единична. Здесь следует разобраться. Эта одна вещь, данная нам в восприятии является единичной. Представление, воспоминание о восприятии этой вещи одно, но оно может быть общим, т. е. может иметь соответствие с множеством подобных вещей. И чем больше оно выобщено, тем больше имеется реальных вещей, подобных ему или имеющих в себе подобное ему. Восприятие же всегда вызывается единичными вещами и в нем отображаются и не выобщенные особенности единичных предметов. Кроме того, от воспринимания даже совершенно одинаковых предметов или даже от воспринимания одного и того же предмета в разное время могут получаться разные чувственные впечатления в зависимости от состояний воспринимающих органов и человека и в зависимости от окружающих условий. А т. к. структурой комплекса антиощущений, являющейся смысловым содержанием представления, фиксируется идеальность этого смыслового содержания (форма границ ничто между разными антиощущениями), то она оказывается способной быть подобной большему числу предметов и большему в них, чем архитектоника восприятия, реально конкретными сущностями наполненная. Т. е. отображение предметов в представлении всегда более общее, чем в восприятии.

А что является носителем общего в слове и в каком смысле? Если иметь в виду тот смысл, который мыслится в связи с этим словом, то это же представление, и в нем отображено (зафиксировано) то общее, что имеется в соответствующем множестве соответствующих единичных и неизрекающихся реальных предметов. Но это будет уже не слово, а представление или одна из частей структуры понятия; второй частью всей структуры которого является символическая структура: структура-ничто и структура-ничто воспринимающей формы или кинематирующей фор-

мы слова, термина, знака этого понятия. И тогда общность слова следует определять как наличие общего в той символической структуре, с которой оно воспринимается или кинематируется каждый раз, которая фиксируется в памяти и вспоминается символом-представлением сама по себе или в связи со смыслопредставлением этого понятия, по которой она опознается среди всевозможных отображений.

Итак, слово есть такая материально-идеальная структура отображения, которая: во-первых, выобщена (содержит в себе общее, одинаковое) из множества всевозможных единичных и одноэкземплярных отображений; во-вторых, выобобществлена хотя бы у нескольких индивидов в качестве достаточно хорошо принимающей и опознающей структуры отображения сигнального (символического) движения; в-третьих, имеет выобобществленную функциональную связь с несигнальной со смысловой структурой также выобобществленной хотя бы у нескольких индивидов; эта структура слова имеет разные формы своего существования в зависимости от специфики и природы фиксирующих, сохраняющих или передающих ее реаций (среда и элементы объективной реальности или субъективной, комплексами ощущений или комплексами антиощущений и пр.). И поэтому следует различать формы существования структуры слова в поэтапном процессе обращения его между общающимися индивидами: в форме отображения, распространяющегося в объективной среде; в форме восприятия, в форме памяти; в форме представления; в форме отображения процесса кинематики его; в форме уже отчужденного, исходящего от кинематирующего его человека, отображения.

Слово и знак по существу своему отличаются лишь тем, что знак возникает уже после наличия достаточно развитого языка, развивавшегося естественным и неосознанным образом, и тем, что знак берет на себя роль средства краткого обозначения и выражения соответствующих уже осмысленных ранее словесных комплексов, или средства усиления и ускорения распространяемости символических отображений.

Когда у человека образовалась функциональная связь между смысло-структурой и символ-структурой, то вслед за восприятием или представлением смысло-структуры пред-

ставляется и кинематическая форма символ-структуры, которая вследствие реализации человеком процесса кинематики производится или индуцируется экземплярами вовне, хотя комплекс антиощущений, образующих собой структуру этого символ-представления, и может продолжать оставаться в воображении как соответствующий психический феномен. Произведенный экземпляр символ-структуры выходит из и от субъекта уже освобожденным от своего смысла и отчуждаясь процессом кинематики от субъекта распространяется в окружающей среде элементами этой среды в форме отображения сигнального, символического движения. В случае восприятия ее другим индивидом она поступает восприятием в его орган памяти. И если она имеется там и связана со смыслом, то восприятием ее и поступлением ее на соответствующие участки памяти будет активироваться и облегчаться извлечение из памяти с ней связанной смысловой структуры. Так в процессе общения между людьми данной общности обращаются символ-структуры, производимые субъективной реальностью и переносящиеся элементами то субъективной, то объективной реальности соответственно меняя формы своего существования: отображение, восприятие, запоминание, представление, кинема, отображение. Как символ-представление, так и смысло-представление существуют только в качестве психических феноменов явности (в качестве соответствующих структурных комплексов антиощущений) человека и не выходят за пределы места проявления их между сознанием и организмом человека. И поэтому в процессе общения между индивидами за пределами их организмов и особенно органов мышления символ-структуры (слова) обращаются без своих смыслов. И пока отображение символ-структуры распространяясь сохраняет такую распознающуюся форму, которая все еще оказывается в состоянии быть принятой, опознанной и вызывать в представление связанный с ней смысл, до тех пор это отображение есть слово в соответствующей форме своего существования. В противном случае она становится лишь отображением.

Отсюда следует и ответ на вопрос о том, существует ли, может ли существовать слово без своего смысла или зна-

чения. Если для этого человека оно еще только отображение кинематики другого человека и не вызывает у него представления смысловой структуры, хотя бы примерно такой, какая вызывается этим же словом у других индивидов, то оно не является для него словом.

Джон Локк писал, что «Слова приобретают общий характер оттого, что их делают знаками общих идей, а идеи становятся общими оттого, что от них отделяются обстоятельства времени и места и все другие идеи, которые могут быть отнесены лишь к тому или другому отдельному предмету. Посредством такого абстрагирования идеи становятся способными представлять более одного индивида, и каждый индивид, «имея» в себе сообразность с такой отвлеченной идеей, принадлежит (как мы говорим) к этому виду». ¹⁾ Но не во всем он прав. Ведь есть общие слова для названия одного-единственного предмета, например, Луна. Локк не видит общего в словах, обусловленного их общественной сущностью. Слова приобретают общий характер вследствие выобобщенности их структуры в обществе. А выобобщение обусловлено не только тем, что им называют, что с ним связывают смысловую структуру общую для многих индивидов вида, но и удобствами словоупотребления и тем, что есть потребность обмениваться мыслями и о таких предметах, которые существуют в единственном экземпляре. А идеи, смысло-представления становятся общими не только потому и тем, что они представляют и отображают своим содержанием более одного индивидуального предмета, но и тем и потому, что это содержание выобобщенно в обществе и получило социальную апробацию, даже если в этом содержании зафиксировано соответствие со структурой лишь одного-единственного предмета. Поэтому общность того мыслимого или запомненного смыслового содержания, которое имеется в единственном экземпляре у индивид-человека, по отношению к тому, во множестве единичных экземпляров существующему, чему оно соответствует, следует отличать от общности по отношению к тем мыслям множества людей, которые более-менее одинаковы у них по содержанию, выобоб-

шестьлены и существуют в стольких экземплярах, у скольких индивидов, их мыслящих или запомнивших, они существуют.

§ 2. Продолжение определения и уяснения понятия.

Понятие есть форма отображения, все структурное содержание которой состоит из двух основных взаимообособленных, обобществленных (приблизительно одинаковых у или для многих или нескольких индивидов) и функционально взаимосвязанных частей: смысловой структуры и символической структуры. Смысловая структура понятия в качестве своего функционального ядра содержит такую структуру комплекса антиощущений и границ-ничто между ними, в которой отображаются существенные и отличительные признаки предмета (объекта) познания и которая проявляется и проявляется феноменами ясности у каждого из обладающих этим понятием индивидов при представлении или восприятии каждым из них с ней так функционально связанной символической структуры, что представление и восприятие одной из них облегчает воспоминание и влечет представление другой. Иначе говоря, понятие есть функциональное единство символпредставления и смыслопредставления, структуры и связи которых получили обобществление в памяти индивидов данной общности, достаточное для достижения адекватного взаимопонимания при обмене их отображениями символических структур этих понятий.

Когда мы представляем себе предмет (вернее, отображение предмета) и при этом не можем представить, вспомнить себе той общей для многих или нескольких индивидов символической структуры, которой называется этот предмет и символструктура которого связана в памяти со смысловой структурой, соотносимой к этому предмету, то мы мыслим об этом предмете формой представления. Когда же мы представляем себе структуру отображения предмета вместе с обобществленной структурой языкового (символического) названия его и при этом в содержании этого смыслового представления имеем и ту существенную и отличительную часть, которая получила обобществление, то мы мыслим об этом предмете не только формой представления, но и в соответствующей мере формой понятия. Упомянутая мера

определяется количеством и отчетливостью тех структурных элементов смысло-представления, которые имеют выделенную связь в памяти индивидов с соответствующими структурными элементами символ-представления. Когда мы вспоминаем слово «береза» (не предмет, называемый этим словом, а слово «береза») и при этом не мыслим соотносимого к нему еще и слова «слово», то мы имеем только представление о слове «береза». А если мы вместе с представлением слова «береза» мыслим и обобщественную структуру соотносимого к нему слова «слово», то в этом случае мы мыслим формой понятия, но не о предмете, называемом словом «береза», а об этом слове «береза».

Понятие является обобщественной формой познания, что обусловлено происхождением, сущностью состава и сущностью проявления процесса функционирования этой формы познания в данной общности людей. Восприятием принимающаяся символическая структура расформировывается с предопределенностью расщепления ее составляющих частей, фрагментов и элементов и адресации распределения их теми же и среди тех же элементов органа памяти и тем же выпротивоположенным порядком, что и воспринимаемая смысловая информация, в которой отображается или с которой сопоставляется и предмет познания. Смысловое представление о предмете познания актуализирует и символ-представление, т. е. и с ним связанную языковую структуру, проявляющуюся в ясности субъекта извлеченной формой представления кинемы этой языковой структуры, тождественно выпротивоположенной по отношению к воспритийной форме той символической структуры, которая чаще всего сопровождает восприятие и представление данного предмета у данного множества индивидов. Благодаря этой тождественной выпротивоположенности структуры кинематической формы символ-представления по отношению к представлению ее же в воспритийной форме обеспечивается принимаемость ее тем же или другим субъектом в знаковой воспритийной форме, целью достижения чего человек управляет, уточняет и совершенствует процесс кинематики символических структур. В итоге человек овладевает языком, вырабатывая и укрепляя связи между смысловыми и

символическими структурами, закрепляющимися в соответствующих местах памяти.

Итак, все содержание любого понятия как формы познания, высшей и более сложной, чем представление, состоит из двух функционально взаимосвязанных частей: смысло-представление и символ-представление.

Смысло-представление данного понятия есть такое любое, но точно или приблизительно одинаковое у нескольких людей, структурное содержание, обособленно представляющееся каждым из индивидов и образующееся, конечно, элементами представления (протяженные неразличные в себе интенсионности с границами-ничто, отграничивающими их от иных интенсионностей, хоть чем-нибудь отличающихся) и их взаимоструктурами (взаиморасположения, взаимодействия, взаимоперемещения, взаимосвязи и пр.), — структурное содержание, в котором отображается предмет познания (или которое человеком соотносится к предмету познания, которое предназначено для отображения, для познания предмета познания) и которое так у каждого человека данной общности их связано с соответствующей символической, языковой структурой, что восприятие или воспоминание последней любым из этих людей облегчает, направляет и влечет за собой воспоминание и представление его.

Символ-представление данного понятия есть такое любое, но точно или приблизительно одинаковое для нескольких индивидов, структурное содержание, могущее обособленно восприниматься или представляться каждым из них и образующееся, конечно, элементами представления и их взаимоструктурами, в котором предмет познания может и не отображаться и которое так у каждого человека данной общности их связано с соответствующей смысловой структурой, что восприятие или воспоминание его любым из этих людей облегчает, направляет и вызывает извлечение из памяти той с ним связанной смысловой структуры, в которой отображается этому понятию соотносящийся предмет познания или которая предназначена для этого.

Понятие как форма и процесс познания и как форма фиксации и организации знания есть такое функциональное и локальное единство смысло-представления и с ним связанного символ-представления, при котором восприятия или воспоминания всей, или части структуры одного актуализи-

рует в мышлении всю или часть структуры другого. Следует различать понятие как результат такого мышления, в котором функционально через память и процесс восприятия и воспоминания взаимосвязаны и взаимоизвлекаются в представление структура символ-представления и структура смысло-представления, и понятие как форма процесса мышления, результатом и содержанием которого является понятие.

Представление вообще есть форма познания и форма фиксации, организации знания; смысло-представление и символ представление есть представления, но не самостоятельные формы познания и знания, а части, своим локально-функциональным единством составляющие понятие как форму познания и знания. Смысло-представление, взятое вне указанной связи, вне сопоставлении, вне соотношении со своей символ-структурой, становится представлением и только; а символ-представление, взятое вне связи, вне соотношении, вне сопоставлении со своей смысловой структурой, также становится представлением и только. Для того, чтобы получить феномен понятия, недостаточно только воспринимать или только представлять символическую структуру (структуру слова, например) и только, а необходимо вспомнить и представить себе или найти и воспринять еще и с ней связанную смысловую структуру. Не из представляющегося или созерцающегося имени извлекается смысл понятия, а из памяти при помощи имени в результате приложения соответствующего восминательно-мыслительного усилия, напряжения и при наличии ранее установившейся связи между этими (символической и смысловой) структурами; и чем лучше, чем протореннее связь между ними, чем многократно они взаимосвязывались и взаимоизвлекались, тем меньше упомянутое восминательно-мыслительное усилие требуется. И не из умосозерцающегося смысло-представления извлекается структура символ-представления извлекается структура символ-представления, а из памяти при помощи таких усилий ума, которые приводят к возбуждению связи с запомненной символ-структурой и к воспоминанию ее.

Проведем более подробное уяснение понятия через сопоставление двух его составляющих.

Смысло-представление и символ-представление, составляя своим функционально-локальным единством понятие во-первых, одинаковы по сути того, из чего образуется их структурное содержание. Они образуются комплексами протяженных (пространственно и по времени) взаиморазличающихся антиощущений с идеальными границами между ними, производящимися и выявляющимися человеком в себе в результате процессов взаимодействия множеств протяженных материально-идеальных элементов и начал субъективной и объективной реальности.

В свете новых смыслов категорий идеального и материального ясно, что идеального самого по себе не может быть ни в объективной реальности, ни в процессе мышления, ни в результате мышления; оно неизбежно есть между хоть чем-нибудь взаимосаморазличающимися или субъектом различающимися протяженностями материального. И поэтому вопрос об идеальности мысли, идеи теряет прежнюю дискуссионность. Результаты предшествующего вывода из начал и вни-мательного самостоятельного уморассмотрения содержания любого представления неопровержимо и убедительно объясняют и доказывают то, что оно образуется протяженностями вспоминающихся такостей ощущений (т. е. антиощущений) и границами-ничто между ими, чем-нибудь отличающимися. Антиощущения вызываются накоплением в области сознания организма того материального, чем замещается расходование элементов, множествами и строями поступающих и вызывающих ощущения и восприятия, чем усиливаются функции сознания и чем побуждается человек к воспоминанию и размышлению, чем активизируется и облегчается мышление. Из сути элементов и процесса, результатом которого получается представление, следует, что протяженности, составляющие собой содержание представления, зияют потребностью превратиться в восприятие ему соответствующего комплекса ощущений, чего и достигает человек в результате движений, управляющихся представлениями, и что и побуждает его к размышлению.

Во вторых, смысло-представление и символ-представле-

ние различны по форме их содержание образующих структур. Формы смысловой и символической структур представлению не должны быть тождественными, а должны иметь такие различия, которые смогли бы образовать и обеспечить функционирование понятия; в противном случае представление о предмете познания не отличалось бы от представления о его имени, произошел бы переход к форме познания не понятием, а представлением и только. Для своего образования и возможности функционирования понятие, как форма познания и фиксации и организации знания, с необходимостью требует различия смысловой и символической структур, структуры образа предмета познания и структуры символа, что было замечено и частично раскрыто В. И. Лениным (см. его разбор «Теория символов» Гельмгольца и ошибки Плеханова в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Полн. собр. соч. т. 18: стр. 244—252).

Для понятия тем лучше, чем больше различие между смысловой и символической структурой его содержания, чем оно контрастнее; т. к. при этом уменьшается и даже сводится на нет возможность смешивания этих структур в понятие и усиливается благоприятная возможность обусловленности функционирования понятия, взаимовозбуждения и взаиморазличения слагающих его структур, обусловленности перехода и сосредоточения мышления и внимания на одной из них при восприятии другой. Превращение этой возможности в действительность обуславливается появлением и наличием соответствующей специфики организма человека, направления и уровня развития его органов. Органы слуха оказываются приспособленными для воспринимания, а органы речи для воспроизведения структур, развертывающихся во времени, а органы зрения и осязания лучше воспринимают структуры, развертывающиеся в пространстве. Именно эти типы структур оказываются наиболее контрастно различными (до противоположности). Поэтому соответствующие органы и взяли на себя соответствующие функции в процессе, реализующем понятие как форму познания и знания; они же обусловили собой специфику слагающих понятие структур. Когда на пространственно развернутую структуру наложить структуру, развертывающуюся во времени, то создается возмож-

ность при восприятии последней возбудить или актуализировать (если не все, то) больше структурных фрагментов первой, не заслоняя, не затирая, не искажая, не зашумливая ее. И наоборот, восприятие пространственной структуры хорошо возбуждает наложенную на нее временную структуру. Тайну того, что человечество в своем развитии оставило далеко позади другие виды живых организмов, следует искать и в том, что обусловило появление, направление, скорость и уровень такого развития упомянутых органов тела человеческого организма.

В-третьих, смысло-представление и символ-представление различны по происхождению. Различие происхождения их состоит в том, что источником образования в памяти тех структурных элементов и фрагментов, из которых состоит или формируется смысло-представление, являются любые восприятия, а источником образования в памяти структуры символ-представления являются лишь восприятия сигнальных или символических движений человека и их отображений. Структура смысло-представления может разлагаться на элементы такой малости и простоты и формироваться до такой сложности, которые вообще возможно представить, а структура символ-представления может разлагаться субъектом до структуры тех элементарных знаков, которые являются простейшими для данного языка; сложность же структуры символ-представления ограничивается особенностями органа памяти и прочим.

В-четвертых, смысло-представление и символ-представление различны по характеру формирования. Структура смысло-представления может формироваться нами такой, какую только вообще можно себе представить: с жестко фиксированными взаиморасположениями ее элементов (протяженных неразличных в себе такостей антиощущений с ничто на границе с иными антиощущениями); с взаимоперемещающимися, рассосредотачивающимися или сосредотачивающимися, с разлетающимися или со слетающимися элементами; с элементами, осуществляющими в поле представления всяковозможные взаимодействия, расположения, взаимодействия, противодействия и т. д. А элементы структуры символ-представления должны иметь и сохранять свою обобщественную форму, а составление из них более

сложных структур и изменения их должны осуществляться по обобществленным правилам и законам грамматики, в результате развития языка.

Для произвольно-субъективной свободы формирования структуры смысло-представления ограничением является их истинность, устанавливаемая или проверяемость их восприятиями, или иным способом, а для символ-представления — быстрейшее достижение лучшего, более точного и подробного взаимопонимания между индивидами при минимальной затрате символических движений.

В-пятых, смысло-представление и символ-представление различны по соотношенности их к разным предметам. Смысло-представление соотносится к объекту познания, проверяется в результате взаимодействия с ним и восприятием его. Субъект, извлекающий из памяти или формирующий смысло-представление с целью истинного познания предмета познания, должен стремиться к достижению сходства, подобия, одинаковости или соответствия идеального в структуре смысло-представления и идеального в структуре объекта познания. А символ-представление передается или предназначается для передачи другому субъекту, проверяется в результате познавательного общения индивидов между собой. Извлекающий из памяти или формирующий и выговаривающий его человек должен стремиться к достижению таких элементарных символических структур, которые достаточно хорошо воспринимаются и правильно распознаются и которые вызывают у воспринимающих их индивидов процесс извлечения из памяти смысловых структурных элементов, подобных тем, которые имеет в виду говорящий человек. Кроме того, он должен стремиться к достижению такого сложения, составления более сложных языковых фрагментов и текстов, в результате которого у воспринимающих формируется сложное смыслопредставление со структурой, изоморфной (соответствующей) структуре смысло-представления этого говорящего или пишущего.

Символ-структуры понятия выполняют функцию выражения, закрепления и обобществления знания, и общения индивидов по поводу знания, а его смысло-структура вы-

полняет функцию отображения, познания соответствующего объекта.

В шестых, символ-представление и смысло-представление различаются и по возможностям воплощения и перевоплощения своих антиощущающихся структур в структуру восприятия, в структуру комплекса ощущений. Если символическая структура легко может быть воспринята при общении с другими, при чтении или при самовоспроизведении ее в отображениях движений своих собственных органов, то смысловая структура может быть превращена в восприимчивую только в результате встречи человека и взаимодействия его с объемом познания или с его отображением; а непосредственно (не через отображение, не через рисунок, макет, модель и пр.) может быть воспринята лишь в том случае, когда эта структура присуща реальности тех уровней сложности ее элементов, которые не выходят за пределы чувствительности соответствующих органов и когда человек имеет для этого пространственно-временную, физическую и социальную возможность. Для этого необходимы соответствующие позиция, движение, активность, деятельность, труд и т. п.

Смысло-представление и символ-представление, составляющие собой понятие, различны и по обусловленностям и возможностям своего развития, которое они взаимобуславливают, и по другим характеристикам, что еще будет уясняться. Многое по этому вопросу объясняет Л. М. Веккер, вскрывая ряд важных закономерностей.¹⁾

§ 3. Разные рассуждения о понятии.

1

О мышлении без слов.

Многие авторы всячески изошряются в обосновании тезиса о том, что мышление без слов не существует или безапелляционно утверждают это без всяких обоснований, как нечто будто бы само собой разумеющееся, как аксиому, не требующую доказательств. Но ведь этим ложным тезисом

¹⁾ Л. М. Веккер. «Психические процессы», Л., 1976 г., т. 2, стр. 109—191 и др.

сом создается благоприятная предпосылка для такого объяснения: мышления без слов нет; всякое мышление и его результат есть результат приема слов и осмысливания их смыслов; но слова и их смыслы развивались историей общества; следовательно, история общества движет вперед и предопределяет развитие действительности; но т. к. все эти слова, понятия развивались и произошли от развертывания и дробления немногих слов на многие и подробные, а те, в свою очередь, произошли от нескольких и, в конце концов, от одного, то и получается, что «в начале было слово...», или получается гегелевская система понятий, развертывающаяся из исходной идеи в материальную действительность. Только нужно брать, говорят некоторые, не какую-то абстрактную идею, — это ведь будет идеализм, — а реальную историю развития общества в реальном развертывании системы ее понятий от первого какого-нибудь слова, идеи и т. п. А из этого уже можно делать такой вывод: все, что будет, уже было; делают и другие ошибочные и пагубные для прогресса выводы.

Из всего предшествующего становится совершенно понятным и несомненным, что в ходе развития человека и его мышления сначала появляется у него мышление без слов, мышление лишь на базе смыслового материала или со смысловым материалом, проявляющегося еще только в форме представления. И лишь после достижения такого уровня в своем онто- и филогенетическом развитии, который оказывается достаточным для образования выобщенных связей символических и смысловых структур, образуется и начинает развиваться мышление понятийной формой. Более того, смыслопредставление о таком-то предмете включает в себя не все содержание представления индивида об этом предмете, а лишь часть его, чаще самую общую, самую существенную и важную для различения, но иногда и не таковую. При чем, существенность и важность выобщенной инвариантной части содержания индивидуальных представлений определяется традициями, состоянием развитости индивидуального опыта, общественного производства, интересов и знания об этих интересах и о реальной действительности у данного индивида и у данной общности, и пр. Т. е. выобщенная инвариантная часть смыс-

ловых содержаний индивидуальных представлений — сама изменчива, развивающаяся и многими факторами обуславливается. Следовательно, и выражающие или кодирующие (по Веккеру) их слова и словосочетания должны изменяться и переопределяться. Если бы невозможно было мышление без слов, то невозможно было бы и изменение старых смыслов слов на новые или дополнение их новым содержанием, что имеет место в развитии познания. Кто сомневается в возможности мышления без слов, то пусть подумает, почему это дети спрашивают взрослых о названиях впервые ими увиденного? Какой-то композитор умно заметил, что если бы были слова для выражения всех наших мыслей и чувств, то не было бы музыки. Конечно, мышление понятиями или суждениями невозможно без слов, и мышление без слов в некоторых существенно важных отношениях не позволяет достичь тех результатов, которые оказываются достижимы речевым мышлением. Существование внесловесной мысли признает и защищает и Д. И. Дубровский.¹⁾

Все то, что есть или существует в реальности и что познано или познается человеком, должно иметь свое имя для общения между людьми по его поводу. Но нет ничего сущего в реальности без своего реального нечего и ничто. И как бы мы не нарекли реальное нечего (либо ничто), его имя может существовать лишь в результате единства идеального и материального символ-структуры в любой форме ее существования (отображение, восприятие, представление и пр.).

II

«При всяком подведении предмета под понятие, — пишет И. Кант, — представление о предмете должно быть однородным с понятием, т. е. понятие должно содержать в себе то, что представляется в подводимом под него предмете, так как именно такое значение имеет выражение предмет подчинен понятию». ²⁾ Из всего предшествующего нам известно, что подвести предмет под понятие мы

¹⁾ Д. И. Дубровский. «Существует ли внесловесная мысль?», ж. «Вопросы философии», 1977 г., № 9, стр. 100

²⁾ И. Кант. Соч., М., 1964 г., т. 3, стр. 220

можем лишь в результате восприятия этого предмета, благодаря которому выявляется архитоническая структура восприятия, с которой и сопоставляется структура комплекса антиощущений смысло-представления как часть структуры нашего понятия об этом предмете, включающего еще в себя и структуру символ-представления. Таким образом мы и можем подводить предмет под понятие или понятие под предмет. Верно Кант рассуждает, говоря, что представление о предмете должно быть однородным с понятием. Оно не только однородно, но оно есть та же самая структура комплекса антиощущений, частью которой является смысло-структура понятия. Т. е. не смысл понятия должен содержать в себе все то, что представляется в этом понятии, как это у Канта, а все то, что представляется в этом понятии, содержит в себе и то, что стало смыслом этого понятия, что получило связь с символом, опробовалось и выобобществилось у нескольких индивидов. Содержание смысло-представления понятия может или совпадать с содержанием представления об одном и том же предмете или быть меньшим из-за своей большей общности. Касательно выражения Канта: «предмет подчинен понятию», заметим, что если нас интересует вопрос установления истинности нашего понятия, то не предмет подчинен понятию, а наоборот, понятие ему. Но если мы своей практической деятельностью хотим привести предмет к соответствию с нашим понятием о нем, тогда предмет не подчинен понятию, но еще только должен быть подчинен ему (приведен в соответствие) в результате обработки. Но в ходе и после обработки он является критерием истинности понятия о нем и этим подчиняет себе понятие. Структура смысло-представления тарелки в понятии будет более общей, чем в допонятийном представлении индивида о тарелке, т. к. такое представление существует только у индивида, опыт которого менее разнообразный, чем опыт всех тех людей, в уме и опыте которых прошла проверку, получила обобществление и апробацию смысловая структура понятия о тарелке. Однако здесь могут быть исключения, обусловленные тем, что опыт какого-нибудь одного индивида оказывается более богат, разнообразен и более точен, чем опыт иных, или многих, или даже большинства, или даже всех индивидов той общности, в которой выобобществилось понятие. Но смысло-структура в

представлении будет мыслиться субъектом более обшей, чем он ее получает в восприятии, поскольку смысловое представление образовалось в результате неоднократного восприятия одного предмета или нескольких подобных предметов с разных позиций. Из вообще верной посылки, что «понятия совершенно неоднородны с эмпирическими (и вообще с чувственными) созерцаниями, и их никогда нельзя встретить ни в одном созерцании» у Канта «возникает вопрос, как возможно подведение созерцаний под чистые рассудочные понятия, т. е. применение категорий к явлениям». И вместо того, чтобы проследить и уяснить развитие, произрастание понятия из предшествующих форм отражения вообще, Кант разрывает их, отгораживает понятия от созерцания пропастью, при помощи спекуляций вокруг проблемы созерцаемости и несозерцаемости причинности, которую мы дальше решим. А феномен применения категорий к явлениям объясняет при помощи «трансцендентального временного определения, которое как схема рассудочных понятий опосредствует подведение явлений под категории». ¹⁾), несостоятельность чего понятна и так, но и еще будет раскрываться.

§ 4. Про сущность и существование общего.

I

Вещи, предметы и всякое реально существующее, относящееся к одному и тому же уровню сложности, сами по себе в своей единичности взятые, не могут выявить в себе общее по отношению к другим, т. к. их подобие и соответствие не может быть установлено как-нибудь иначе, как не через сопоставление или наложение структур их отображений, фиксирующихся и переносящихся строями множеств элементов иных уровней сложности, идеальное которых (отображений) только и может отчуждаться от отображающихся в них предметов, распространяться, подноситься к и вноситься в иные множества элементов реальности. «Следы порождаются движением ног, а не ноги — следами...» ²⁾ (Григор Татеваци).

1). И. Кант. Соч., М. 1964 г., т. 3, стр: 221:

2). «Антология мировой философии». М. 1969 г. т. 1, стр. 654

Общее не имеет никакого существования в объективной реальности, говорили и говорят номиналисты. Общее обладает объективным существованием, предшествует единичным конкретным предметам и независимо от них, говорят реалисты. Не будем спорить, а давайте правильно рассуждать. Из этого предшествующего следует, что структура-ничто, какую бы форму и сложность или простоту она не имела, не может быть отделена от своего материального носителя, от структуры-ничто, от того множества элементов, строем и разграничениями различающегося которых фиксируется и переносится структура-ничто (идеальное). И у всякого реально существующего предмета есть своя структура-ничто и только одна, т. е. у него и при нем она одноэкземплярная, независимо от того, что этот предмет или элемент является объективной или субъективной реальностью. Вследствие этого между множеством конкретных и единичных предметов, разнообразных в своей индивидуальности, общее может быть лишь как сходство, одинаковость, подобие, повторяющееся, соответствие форм (конфигураций, очертаний) и уровней сложности их структуры-ничто, т. к. протяженности между границами-ничто образуются в конце концов из всеобщих начал бытия и наименьших элементов сущего, а один и тот же реальный предмет в одно и то же время и в одном и том же месте своего существования не может иметь два или несколько экземпляров своей структуры-ничто.

Предмет Б принимает в себя отображение предмета А лишь тогда и лишь тем, когда он изменяет структуру своих элементов под влиянием структуры элементов принимаемого отображения, а индусирует свои отображения вовне лишь тогда и лишь тем, когда он такостями существования себя (например, колебания своей структуры элементов) изменяет структуру между элементами окружающей среды (электро-магнитных или световых или звуковых волн, например). Структура-ничто отчужденного отображения также существует в одном экземпляре у этого множества элементов, строем которых фиксируется и переносится это и одно отображение. Но процесс индукцирования предметом отображений себя вовне и распространения

ния этих отображений строями элементов, следующими один за другим, с сохранностью ими зафиксированного соответствия, конечно, есть процесс размножения, тиражирования отображений, каждое из которых одноэкземплярное в себе. И каждое из таких следующих одно за другим отображений, исходящих из или от одного и того же индуцирующего их предмета, будет иметь подобное с соответствующим фрагментом структуры-ничто индуцирующего их предмета. Следовательно, все они будут обладать взаимно-одинаковым, общим, подобным в форме переносимой ими структуре-ничто, пока канал связи или среда их распространения или хранения не затрут наличность подобного или изоморфного у них. Следовательно, те структуры-ничто, которые фиксируются антиощущениями в смысловом представлении разных людей, могут и одинаково и по-разному отображать один и тот же предмет. Мысли, имеющие разные формы, конфигурации структуры-ничто, не могут быть одинаково истинными, если их одинаково соотносить к одному и тому же или к такому же предмету.

II

В отображениях имеется общее, если их составляющими элементами фиксируется сходное, одинаковое в единичных предметах. Т. к. все элементы реальности, из которых состоит всё существующее, во всеобщей своей сущности являются совершенно одинаковыми, т. е. каждый из них имеет только материальное нечто и идеальное ничто, и т. к. из одинаковых исходных и последующих составов и условий получаются одинаковые образования, то реальная действительность в своем развитии и воспроизводит одинаковое наряду и в перемешку с различным, вызывающимся и обуславливающимся появлениями и усилениями различного в составе, в структуре состава и в условиях. Одинаковое в структурах-ничто или общее между единичными образованиями во множестве их может выявиться в результате совпадений структуры-ничто одного реального образования при соприкосновении его со структурой другого образования. Но один реальный элемент никак не может быть наложен на другой так, чтоб их структура-ничто совместились и слились в

одну, т. е. для этого необходимо исчезновение существования материального нечто накладываются друг на друга элементов, что невозможно. Это же распространяется и на элементы субъективной реальности. Как же тогда возможно наложение структур-ничто и обнаружение совпадения или несовпадения их в органе памяти?

Это лучше всего получается там и тогда, где и когда эти два образования имеют тождественно выпротивоположенную структуру (например, где выпуклое входит в одинаково с ним вогнутое) и еще лучше, когда одна из них так включает в себя другую, что питается этой другой, когда это другое образование строими множеств своих элементов проходит внутрь первого образования между элементами его каркасной структуры, что и имеет место в памяти живых организмов. Элементы деструктурирующей информации восприятий не накладываются на элементы органа памяти, а будучи элементами низшего уровня сложности пропускаются или включаются ими в соответствующие проходы в себе и между собой, (биоэлектроток по элементам и между элементами биовещества).

Восприятием выявляющаяся архитоника комплекса различных ощущений идет из соответствующих органов чувств через сознание в память и деструктурируется в ней; и если структуры элементов и участков памяти и структуры строев элементов, несущих собой психический феномен архитоники восприятия, тождественно противоположны, то это принимающая в себя структура элементов памяти не изменяется, а укрепляется; и имеет место подтверждение, закрепление и сохранение общего, одинакового, между ранее запомнившимся и тем, что входит, что обладает и питает соответствующие участки структуры элементов памяти. Если же общего (одинакового) нет в отображениях, поступающих одно за другим в эту ячейку памяти, то в этом месте памяти происходят соответствующие изменения структур элементов и образование новых. Но в памяти, и до, и перед памятью, и в представлении структура-ничто существует лишь со своей структурой-ничто и, — общая она или нет, — существует в каждом ее фиксирующем и несущем множестве элементов только

в одном экземпляре, — фиксирующем конфигурацией границ сгустков, разрежений и отсутствий этих элементов. А если она имеется в разных множествах элементов находящихся в разных местах и в разное время, и если она у них одинаковая, то тогда она имеется во множестве экземпляров. Все это и осуществляется в процессах отражения и у тех живых организмов, которые достигли в своем развитии соответствующих форм отображения и познания реальной деятельности. Ясно, что логику познания невозможно познать в отрыве ее от познания того, чем и как процессы познания реализуются, что познает физиология, психология, биология, химия, физика и вообще все те науки, которые изучают разные уровни, области и срезы всей реальной действительности.

Количеством носителей общего, т. е. количеством предметов, обладающих какой-то степенью подобия, одинаковости своих структур на одинаковых уровнях сложности и обобщенности, составляет и определяется или измеряется то, что в логике называют объемом понятия. Ясно, что эта характеристика мысли относится и к понятию (точнее, к его смысло-представлению) и к представлению как допонятийной форме мысли.

Процесс обобщения осуществляется больше всего в памяти; более того, запоминанием реализуется обобщение самополучно, т. е. и без осознания этого субъектом. А в представление извлекаются из памяти уже обобщенные формы структур и используются субъектом для управления своего поведения или для творческого формирования новых смысло-структур в результате процесса мышления, которые могут получиться и более и менее общие. Но т. к. содержанием смысловой структуры понятия является не все содержание представления данного индивида о данном предмете, а лишь та часть структуры этого представления, которая обобществлена в какой-то общности индивидов и обобщественно связана с обобщественной символической структурой, то в понятии как в отображении процесс обобщения отображающегося оказывается уже завершенным и предстает перед явностью человека кажущимся изначально данным. Восприятие символ-структуры этого понятия актуализирует и облегчает извлечение из памяти с

ней связанной смысловой структуры, уже выобщенной и обособившейся от не так прочно зафиксированных в памяти подробностей и различий, облегчает извлечение прежде всего тех комплексов и таких антиощущений, в которых отображается лишь то, что наиболее общее для множества индивидуальных предметов этого вида. В этой кажимости изначальной данности общего в понятии, связью его с символ-структурой и облегчаемостью извлекаемости его из памяти при помощи восприятия этой символ-структуры и крется один из гносеологических источников идеализма, берущего за начало эту общность понятийного смысла. Понятие образуется благодаря накоплению в его обособленно целостной смысло-структуре общего из множества единичных восприятиями идущих образов, благодаря стиранию и устранению у них не существенных для опознавания различий, благодаря закреплению и сохранению неизменным такого сходного и общего объектов познания, которое все же позволяет отличать их от в каком-то отношении иных объектов, благодаря закреплению и сохранению в памяти отличительно-общего, всякий раз повторяющегося и подтверждающегося в восприятиях и связывающегося с соответствующей символической структурой, при помощи которой осуществляется процесс информационного обобщения, обобществления и социальной апробации этого смыслового содержания понятия. Понятие есть отличительно общее обобществленного образа, смысло-представления, индивидами данной общности соотносящееся к одному и тому же объекту познания, обобществленно (примерно одинаково с одинаковым в памяти многих индивидов) связанное с отличительно общим в обобществленной символической структуре.

Вот и получается объяснение и определение понятия в результате имманентной дедукции, содержащей его генезис из низшего, из ему предшествующего в его развитии, чем и характеризуется научный метод, о чем Гегель выразился так: «в науке о понятии его содержание и определение может быть подтверждено только посредством имманентной дедукции, содержащей его генезис...» 1)

Некоторые говорят, что по отношению к знаку поня-

1) Гегель. «Наука Логики». М. 1972 г., т. 3., стр. 16:

не является его познавательным значением. Это утверждение базируется на неуясненности существенного отличия представления и понятия. Символ-структура и смысло-структура понятия здесь разрываются и полагается, что понятие само собой вне и помимо от символ-структуры, что и ведет к отождествлению его с представлением как допонятийной или непонятийной формой отображения.

Та структура антиощущений, которая составляет собой содержание смысло-представления, взятая без связи с символ-представлением, есть представление и только, т. е. есть неречевая, допонятийная или непонятийная форма психического отображения предмета познания. А та структура антиощущений, которая составляет собой содержание символ-представления, взятая без связи со смысло-представлением, есть представление и только, т. е. есть непонятийная форма психического отображения символических, сигнальных реалий. И поэтому феном слова или какойлибо иной символической (второсигнальной по Павлову) структуры, не вызывающей у субъекта смысло-представления, для этого субъекта не является понятием; без смысла нет понимания и нет понятия. Л. М. Веккер верно констатирует, что отличительным признаком психических форм отображения (восприятие, представление, понятие) не может быть наличие определенных соотношений между разными у них уровнями обобщенности отображения, т. к. и в представлении может быть более общее отображение, чем в понятии. ¹⁾ И Веккер ищет тот существенный признак понятия, которым оно отличается от допонятийных или непонятийных форм психического отображения (ощущение, восприятие, представление). В результате исследования за такой признак он берет то нарастание полноты инвариантности и обобщенности психического отображения отдельных объектов и отношений, которое обеспечивает выход в межличностную и межкультурную систему перекодировки при помощи суждения. Понятийная форма психического отображения по Веккеру — это если ее образующая «психическая структура концепта является инвариантом обратимого межкультурного перевода, ведущегося минимум на двух уровнях

¹⁾ Л. М. Веккер. «Психические процессы», Л. 1976 т. 2, стр. 243.

обобщенности» 2). Следовательно, символ-структуры включаются в структуру понятия наряду с его смысло-структурой. Но за существенный отличительный признак понятия Веккер берет не функциональную связь и единство символической и смысловой структуры, а инвариантность межязыкового перевода смыслового концепта, отображающего объект минимум на двух уровнях общности, т. е. отображающего общий признак и видовое или индивидуальное отличие.

Иначе говоря, наличие взаимосвязи между некоторой смысловой и некоторой второсигнальной (символической) структурами, объединяющей их в единство и обеспечивающее функционирование понятия как особой формы психического отображения, объединяющей в себе способности и преимущества индивидуального и общественного познания (как это у меня), Веккер не берет за существенный отличительный признак понятия, а в качестве такового он берет то, что структура понятия «включает в себя минимум два уровня обобщенности психических структур, являющихся отображением одного и того же объекта мысли. На одном из этих уровней отображаются более общие (родовые), а на другом — более частные (видовые) признаки отображаемого объекта». (см. там же, стр. 248), плюс то, что такая структура остается инвариантной при межязыковом переводе. В результате получается, что и представленное может выражаться словом и не быть еще от этого понятием, получается, что имеется громадный мир связанных со словами смысловых концептов, которые не являются понятиями. Существенный и отличительный признак понятия связывается с традицией определять понятия через указание рода и видового отличия, или вида и индивидуального отличия, а также с инвариантностью межиндивидуального языкового перевода, т. е. с особой отображательной формой смысловой структуры, а не функциональной связью ее с символ-структурой.

Но я считаю, что отображательную форму минимум двухуровневого обобщения (родовой признак и видовое отличие, или видовой признак и индивидуальное отличие и т. п.) не следует брать за существенный и отличительный признак понятия как формы психического отображения, т. к. в

2). Там же, стр. 275

противном случае все те смысло-структуры, которые не достигли такого содержания, но имеют функциональную связь с такой символ-структурой, при помощи которой индивиды общаясь достигают адекватного взаимопонимания, не есть понятия. Палкой пользовались еще дикари и никаких определений с указанием видовых признаков и индивидуальных отличий еще не было; они обходились одним удобовываривающимся и удобопринимающимся словом. И это, по-моему, было понятие на соответствующем этапе развития своего смыслового и символического содержания. Другой пример: у тигренка со временем формируется представление такого содержания, при помощи сопоставления которого с наблюдающимися им животными он отличает животных одного вида от животных другого вида, а затем у него представление об этом виде животных разбивается, обогащается индивидуальными признаками и он получает возможность различать и индивиды в виде или виды в роде. Но если никакими символ-структурами он при этом не пользуется, не оперирует, то какая это психическая форма отображения: представление или понятие? По-моему, это представление с соответствующей развитостью своего отображательного содержания. Или такой пример: представление об орехах этого леса у белки этого леса может быть гораздо богаче, более подробным, чем у некоторых из людей, живущих в нем или вблизи этого леса и выражающих свое представление об орехах этого леса словосочетаниями, почерпнутыми и из толковых словарей или учебников логики. Так кто и какой психической формой отображения при этом оперирует? По-моему, люди эти оперируют понятиями с соответствующей развитостью их смыслового и символического содержания, а белка оперирует представлением!

Процессы образования, формирования, творческого перестроения смысловых структур, т. е. комплексов антиощущений, отображающих собой предмет познания, не возможны без сопровождения этих процессов оперированием символическими структурами, кодирующими элементы и фрагменты этих смысловых структур, а осуществимы; но для своего осуществления требуют более напряженных усилий сознания и органов мышления; тогда как восприятие или воспоминание символических структур и логи-

ческое оперирование ими облегчает воспоминание, передачу к сознанию и переформирование смысловых структур и достижение умозрительной представленности их в качестве смысло-представления. Содержание представления (мысли) мы не принимаем извне вместе с символ-структурой от другого субъекта, а формируем его сами в себе, в своем поле воображения (из феноменов своей яйности и в поле проявлений феноменов своей яйности) в качестве комплексов антиощущений с идеальными границами между темп из них, которые субъектом различаются, извлекающимися из памяти как воспоминающееся ранее чувственно воспринимавшееся и обрабатывается процессом мышления; этим и только этим содержанием и ото-бражаем (и познаем) мы объекты познания; а успешность и истинность результатов мышления, использующихся для управления своего поведения, и ведет к сохранению оптимальной энтропии в организме, к противодействию ее нарастания в нем. Без этого содержания представления невозможно представить себе предмет познания, а след., невозможно мысленно отобразить, понять и познать его. Этим и обосновывается правило новой, развивающейся здесь, логики, согласно которому **мы можем и в целях истинного познания должны мыслить только нечто, иные нечто и ничто между различающимися нечто; во-вторых, нечто мы можем и должны мыслить протяженным, а ничто — непротяженным**; этим и только этим мы можем познать предмет мысленно. Нельзя отделить процессы представления и мышления от того вещества и среды, которыми они реализуются. Если вспоминается какая-нибудь такость ощущения, то реальный материал, этот феномен образующий, не может быть ничто, а может быть только протяженное нечто; а поэтому и мыслить его нужно и можно протяженным. А если мышлением в представлении выясняется любое различие любых антиощущений, то между ними ничто, — если они соприкасаются между собой непосредственно.

Не трудно разобраться в ложности положения, согласно которому не наши понятия соотнобразуются с предметами познания, а предметы с нашими понятиями. Может ли структура смысло-представления соотнобразовать с собой предмет? Никак нет! Напротив, она соотнобразуется с ним,

восприятием выявляясь как неизменное в архитектурной структуре комплекса органами чувств различающихся ощущений и выходясь, фиксируясь и сохраняясь в памяти в этой неизменности или изменяясь в случае и в следствие отсутствия подкрепляющих и питающих ее деструктуризирующихся структур. Предметы могут сообразоваться с нашими понятиями лишь в результате изменения их — в процессе обработки их субъектом или реальностью вообще.

Если индивид вида отличается особенной твердостью и прочностью связей между элементами органов памяти и мышления, то он больше предрасположен к запоминанию наиболее общего, чем менее общего, и оказывается более способным к длительному хранению запомненного и менее способным к изменениям и обновлениям запомненного. Этим обуславливается неизменность такостей его поведения, определяющихся запомнившимся опытом прошлого, даже если это не соответствует новым обстоятельствам. Он скорее предрасположен пускаться в преобразование действительности с целью приспособления ее к смысловому содержанию его понятий, чем тратить мыслительные усилия на изменение смыслового содержания понятия с целью приведения его к более глубокому, к более полному и точному соответствию с предметом познания и тенденциями его развития, ибо такие изменения ему даются труднее, чем индивидам с более гибкими связями между элементами памяти и органов мышления. Иначе говоря, такой индивид скорее склонен к сохранению неизменности своего поведения в изменяющейся среде, что влечет за собой необходимость увеличения меры физической деятельности для преобразования окружающей среды, для приведения внешнего в сообразное соответствие с внутренним. И есть какой-то рубеж в этой мере, за пределами которого индивид вступает в такое несоответствие неизменности мыслящегося и этой неизменностью вызываемого роста меры необходимости изменять окружающую действительность, которое обуславливает собой значительное увеличение неудач и перенапряжений (стресс). И путем естественного отбора вид освобождается, очищается от таких индивидов. Здесь же источник для разгадки инстинктивных поведений.

Другая крайняя особенность памяти индивидов ведет

к тому, что неспособность удерживать в памяти индивидуальный опыт обрекает индивида или на неудачи, вызванные неспособностью извлекать из памяти или вырабатывать представления о благополучных вариантах своего поведения в изменчивых условиях, или на подпадание под зависимость от других, вследствие отсутствия собственного мнения или отсутствия уверенности в правильности своих мнений. Такие индивиды скорее оказываются управляемыми центром управления общности вида, чем управляющими. От тех из них, которые выходят за пределы какой-то меры, вид освобождается также в результате естественного отбора.

Только из памяти субъект извлекает материал для представления и мышления. И материалом этим являются все те антиощущения и их комплексы, которые снимаются из соответствующих структурно-элементных участков памяти в результате соответствующих ориентации и извлекаемого напряжения сознания, взаимовлияние которого с его окружающим и создающим телом осуществляется посредством яйности, разновидностью феноменов которой являются антиощущения. Последние же являются последствиями деструктуризации в памяти телом субъекта выявляющихся последствий взаимодействия субъективного и объективного для данного организма и воспринимающихся им как ощущения и их комплексы с идеальными границами между ними различающимися.

«...Все наше знание о вещах состоит исключительно из переработанного сырья, доставляемого нашими чувствами». 1)

Поэтому нам необходимо познать то, можно ли и как же можно при помощи такого психического материала, который есть воспоминаящимися последствиями восприятий субъективных данных, познать чувствами вообще не видящееся, чувствительности органов чувств не доступное (как возможно умоглядное знание чувствами невидимого?), исследование и решение чего излагается далее и в пятой и шестой частях «Прологов...».

1). А. Эйнштейн. Собрание научных трудов, т. IV, стр. 250

§ 5. О развитии понятия.

I

Развитие понятия обуславливается результатом взаимодействия всех тех условий и факторов, которые, с одной стороны, влияют на развитие и совершенствование символических структур в направлении приспособленности и пригодности их к специфике тех каналов связи, по которым они обращаются в процессе общения индивидов, и такой приспособленности и пригодности их к своей специфической функции в процессе мышления, которая обуславливает собой расширение функциональных возможностей понятия как формы мышления, общения и познания; с другой стороны, которые влияют на развитие отображательных способностей и возможностей смыслопредставления (глубина, подробности, точность, полнота и пр. характеристики познания) и которые ведут к исчерпывающему использованию всех отображательных возможностей смыслопредставления с целью достижения окончательного, предельновозможного и во всех отношениях наилучшего познания предметов. Выявление этих условий и факторов как раз и представляет собой первостепенный интерес и важность для теории познания вообще и для познания возможностей дальнейшего развития форм мышления и возможностей ускорения этого развития. Сопоставляя условия и факторы развития смыслов и символов и результируя их, можно выявить и уяснить условия, факторы и возможности развития понятия.

Развитие символ-представлений и языка вообще как обобщественно кинематирующихся, объективирующихся и воспринимающихся обобщественных материально-идеальных структур, достаточно сохраняющих свои формы и находящихся в так выобобществленных связях между собой и со структурами обобщественных смыслопредставлений у индивидов, что при восприятии успешно вызывают у индивидов примерно одинаковые смысло-структуры, обуславливается: во-первых, интенсивностью, плотностью, напряженностью, продолжительностью и разнообразием процесса информационного и производственно-деятельного общения и

взаимодейственности индивидов между собой, в ходе и по мере развития чего, во-первых, выявляются, выобобществляются, закрепляются и сохраняются в данном обществе, а при необходимости соответствующим образом уточняются, пополняются и обновляются, такие простейшие элементарные символ-структуры, — феномы, знаки, буквы и пр. — и такие грамматические правила, которые обуславливают возможности для составления производных языковых структур, количества, разнообразия и сложности которых удовлетворяют все потребности смыслового информационного общения, обучения, достижения взаимопонимания, развития познания, управления процессами взаимодейственности и удовлетворяют потребности в развитии языка, обусловленные всеми сторонами общественной жизнедеятельности. В-третьих, степень выобобществленности в национальной, профессиональной или другой общности данного множества индивидов языковых исходно элементарных и производных структур. В-четвертых, преднастроенность процесса развития языка всеми порождающими и развивающими его обстоятельствами на выявление и упрочение оптимального количества исходноэлементарных языковых структур с неизменными хорошо опознающимися формами, которое обуславливается и саморегулируется, самовыустанавливается взаимограничением двух противоположных тенденций: стремление к меньшему количеству символ-структурных элементов, обращающихся в данной общности людей, обуславливается тем, что чем меньше их, тем легче, а следовательно, и быстрее происходит процесс запоминания их индивидом и выобобществление в обществе; а стремление к большему количеству обуславливается тем, что при этом сплывается ограниченность в возможностях образования из этих исходных элементов производных структур, потребность на возможность размножения которых возрастает по мере развития познания вглубь и вширь (по мере развития, роста разнообразия и усложнения смысловых структур), и которые были бы хорошо и легко различимы в восприятии и производимы органами речи индивидов.

Вот признание Луи де Бройля, одного из руководителей комитета по вопросам научного языка при французской Академии наук: «Французский язык ежедневно вы-

нужден меняться и развиваться потому, что наука ежедневно нуждается в новых словах для обозначения вводимых ею представлений, открываемых ею явлений, изобретаемых ею приборов. Было бы столь же вредно, сколь и бесполезно, пытаться помешать научному языку разрастаться, поскольку это разрастание является необходимым следствием все более настоятельной потребности в новых терминах для обозначения новых представлений». 1)

В-пятых, образование специфических особенностей языковых структур, свойственных для различных языков, обуславливалось, с одной стороны, случайностями и творческим произволом субъективной активности отдельных индивидов в начальном периоде процесса зарождения этих структур в зарождавшейся и развивавшейся общности тех предшественников, из которых произошла народность, владеющая данным языком. Но по мере развития этой общности, по мере возрастания негэнтропийности и плотности и интенсивности информационного и жизнедеятельного общения в ней, направленность специфики развития языковых структур, приобретенная в период зарождения, затем приобретает устойчивость и все больше обуславливается обучающим и управляющим воздействием общности на индивида и поэтому приобретает для индивида все более предопределенный характер, является как бы внешне данным, устойчивым и изменению отдельным индивидам мало поддающимся; родившись индивид застает его уже утвердившимся, устоявшимся. И с приращением негэнтропийности и направленности информационно-жизнедеятельного процесса взаимодействия в данном обществе национальная особенность структуры языка устанавливается, закрепляется и сохраняет приобретенную направленность развития, пока не обнаружатся какие-либо обстоятельства, вызывающие или обуславливающие радикальные изменения. Обновление же и пополнение его новыми структурными элементами и фрагментами (фонемами, знаками, словами и пр.) обуславливается ростом процесса познания, развитием структур тех представлений, которые в качестве смысло-представлений пробивают себе выход в выобобществленное знание в форме понятий и, кроме этого, объединением человеческих общностей с 1).

Луи де Бройль. «По тропам науки». М., 1962 г., стр. 336

разными языками в более сложное и высокоразвитое общественное образование с более прогрессивными социальными структурами: род, народность, нация, многонациональное государство. Происходит ослабление национальных перегородок, формирование и развитие предпосылок и обстоятельств для дальнейшего сближения народов, говорящих на разных языках, рост межнациональных связей и сотрудничества, что ведет к повышению значения языков, которые становятся языками взаимного общения наций и народностей. Например, русский язык стал одним из общепризнанных мировых языков. Естественно, что при этом и сам русский язык получает такое обогащение соответствующими элементами и фрагментами национальных и мировых языков, которое делает его все более совершенным и развитым по сравнению с другими языками.

В—шестых, образование специфических особенностей языковых структур, развитие языка, обновление, отбор и включение новых элементов и фрагментов обуславливается восприимчивыми и артикуляционными способностями органов восприятия и речи соответственно.

Особенности языка у муравьев или у пчел, аналогично с человеческим языком, обусловлены специфическими особенностями в уровне и характере организации организма индивидов муравьиного или пчелиного сообщества, спецификой тех интересов, которыми руководствуется мышление этих индивидов, управляющее поведением; спецификой органов восприятия и кинематики языковых структур; спецификой каналов связи, по которым обращаются отображения сигнально-символических движений; спецификой органов мышления и процесса мышления индивидов и развитостью этой специфики; спецификой взаимоотношений между индивидами в их сообществе; и прочими специфическими особенностями элементов и среды обитания образуемой ими общественной системы.

II

Развитие смысло-представлений обуславливается:

Во-первых, теми же условиями и факторами, что и развитие представления вообще в мышлении индивида, что уяснялось в третьей части «Прологов»...» Но в связи с тем, что отображательную функцию в процессе познания формой поня-

тия выполняет смысло-представление, что возможности дальнейшего развития познания вообще обуславливаются возможными представлениями, как это будет показано ниже, то на уяснении возможностей представления, его форм и уровней развития, придется еще останавливаться неоднократно.

Во вторых, дополнительные факторы здесь появляются в связи с тем, что с символ-представлением данного понятия связывается прежде всего та часть всего смыслового содержания индивидуального представления, которая получает обобщение и обобществление своего содержания у всех им овладевших индивидов. И это обобществляющееся выобщение происходит в результате социальной апробации и прихода к согласию мнений разных индивидов об одном и том же объекте познания. В результате общения и взаимотолкования осуществляется обобществление и выобщение такого содержания смысло-представления, которое оказывается примерно одинаковым у многих индивидов, которое оказывается существенным для отображения соответствующего предмета познания в аспекте соответствующих интересов этих индивидов. Происходит уточнение и социальная апробация содержания индивидуальных представлений и отбор из них общего в содержание смысло-представления в соответствии с критерием уже не только индивидуальной практики, неизбежно менее всесторонней, более подверженной влиянию случайностей, субъективных особенностей и характера интересов индивида, а в соответствии с критерием на много более широкой и богатой общественной практики. Таким образом из всего содержания представления индивида о данном предмете выобособляется та его часть, которая связывается с символ-структурой и общением и обобществлением выобщается в общности индивидов; частотой повторений в функциональной связанности с символ-структурой этот смысл как-бы обособляется, отделяется, отывается и отличается от всего остального содержания индивидуального представления. Более того, остальная часть всего содержания индивидуального представления со временем, при не обращении на нее внимания в каждом акте извлечения этого представления из памяти, забывается, что сопряжено иногда с потерей и эвристически важных смысловых элементов. И человек, мысля формой понятия и стро-

го придерживаясь при этом принятого в обществе содержания этого понятия, в таком случае оперирует только обобществленным обобщенной частью представления, т. е. только функциональным ядром смыслопредставлением (лишь существенные и отличительные признаки). И поэтому дополнительные обстоятельства, обуславливающие собой развитие представления в понятие, с одной стороны, накладываются тем, что то содержание (та структура) индивидуального представления, которое преобразуется в смыслопредставление и объединяясь с символ-структурами переходит в форму понятия, должно быть существенным и значимым не с точки зрения и интереса одного субъекта, а исходя уже из интересов и точек зрения тех индивидов, у которых оно обращается и приобретает обобществление и благодаря которым оно переходит в понятийную форму. С другой стороны, эти дополнительные обстоятельства накладываются уровнем развития мышления, и способностями того субъекта, который своим представлениям стремится придать форму понятий, и достижением такого уровня развития языка и познания, который предоставил бы возможность индивиду выразить содержание своих представлений в такой языковой структуре и в такой логике понятий, которые будучи восприняты иными сформировали бы у них представления, адекватные авторским.

В третьих, переход содержания представления индивиду в смыслопредставление и, следовательно, в понятийную форму обуславливается отображательными характеристиками этого содержания, конкретными социальными условиями и той социальной, бытовой и теоретико-познавательной ситуацией, которая сопровождала автора в жизни и формировала развитие его мышления и его аксиологические взгляды.

III

Для творческого самостоятельного мышления требуется больше усилий, большее мыслительное напряжение, требуется больше затраты мыслительной энергии, чем при оперировании извлеченными формами представления. И следовательно, мышление формой выобобществленных понятий после первоначальной затраты энергии на освоение смыслов, связанных с соответствующими символ-структурами, становится более легким, что и преобуславливает собой

склонность людей к усвоению утвердившихся содержаний и форм мышления и неохотность к творческому мышлению, которое требует изменения смыслов слов или введения новых слов и переформирования языковых структур, которое затем требует усилий для выобобществления и достижения признания, что сопряжено с трудностями.

Мышление человека есть непосредственная и реальная деятельность соответствующих его органов, протекающая под влиянием его сознания и интросов, Никто другой за этого индивида мыслить не может. Он сам формирует содержание своих мыслей только посредством себя самого, черпая для этого материал опыта из своего органа памяти. Но сам процесс формирования смыслового содержания мысли как результата мышления может сопровождаться восприятиями символ-структур, которые задают собой порядок извлечения и объединения извлеченного из памяти уже обобщественно выобобщенного содержания, отображающего предмет познания. Образование понятий при помощи чтения текстов осуществляется благодаря извлечению из памяти этого читателя соответствующих отображательных (смысловых) элементов и структур, слагающихся из антиощущений, и формирования из них смысло-представления, в соответствующей степени адекватного смысло-представлениям автора читающихся текстов и предмету познания. Структурой знаков, слов и словосочетаний автор текста облегчает извлечение из памяти в представление того, что у читателя есть, и формирование из этого материала (антиощущения и очертания их границ с иными антиощущениями) соответствующих смысло-представлений. Он опирается на способность читателя мыслить и на имеющиеся в его памяти обобщественно выобобщенные связи символических структур с соответствующими смысловыми. И автор текста, исходя из смысло-представления и используя связи его элементов с соответствующими элементами символ-структур кинематирует последнее в такой последовательности и взаимосогласованности, что в результате облегчает, дает возможность читателю извлечь или сформировать смысло-представление, адекватное со своим. И говорящий или пишущий добивается того, что слушающий или читающий мыслит примерно так, как и он. И демонстрирует он для того, чтобы смысловое содержание

мыслей у слушающего было более адекватно смысловому содержанию его мыслей. В результате согласуется и обобществляется общее в мыслях индивидов об объектах познания; и мы все чаще замечаем, что в языковом общении среди нас обращаются некие готовые стереотипные блоки символ-структур, словесных конструкций, которые изначально и не нами сформированы, но потом вызывают у каждого из нас представления с более-менее одинаковыми смыслами.

IV

Писатель, излагающий то, что ему самому четко и ясно представляется, в процессе сочинения писания так взаимосогласовывает смысло-представления с символ-представлениями, чтобы привести читателя к мыслям с таким же содержанием, как и у писателя. И поэтому обучение должно опираться на активность мышления обучаемого, т. к. простым сотрясанием воздуха хотя бы и в соответствии с символ-структурами мышление у обучаемого может и не протекать или может протекать совсем не так. То, что познал учитель, он познал своим мышлением, и то, что должен познать ученик, он должен познать своим мышлением, ибо оно в нем. И истина не между мыслящими, как это писал Л. Фейербах, ¹⁾ а в том соответствии, которое имеется между хоть кем мыслящимся содержанием представления и тем реальным, что познается, отображается в содержании этого представления; она не между нами, а в соответствии между нами мыслящимся и тем реальным, что так мыслящимся представлением отображается, познается. И неверно далее рассуждает Фейербах, что «Это посредничество Я и Ты..., при помощи которого я убеждаюсь, что моя мысль — не моя, но мысль в себе и для себя, и что она, поэтому, может быть мыслью другого с тем же успехом, как и моей.» ²⁾ Эта неверность обусловлена невозможностью объяснить в системе монистического материализма феномена обращаемости в обществе слов и как бы обмена с их помощью мыслями. Моя мысль (всегда, любя и о чем угодно — если только она у меня есть—)

1). Л. Фейербах. Соч., М.-П., 1923 г., т. 1, стр. 12:

2). Там же, стр. 12. 3). Там же, стр. 12.

есть моя и выйти из меня мыслью она не может, но может выйти отображением символических или несимволических движений моего тела или отдельных его органов. Но это уже не будет мыслью. Неверно у Фейербаха и то, что «стремление к сообщению наших мыслей является основным стремлением, стремлением к истине. Мы осознаем и убеждаемся в истинности нашего дела только посредством другого...»³⁾. Стремление мыслящих к достижению своих интересов является основным стремлением и обуславливает собой стремление к сообщению своих мыслей другим мыслящим индивидам. И если стремление к истинности не препятствует, а содействует достижению целей, тогда и стремление к общению не препятствует стремлению к истине, а даже сопровождается им. И достижение успеха в информационном общении тогда не тормозится стремлением индивида к истинности результатов познания, а даже ускоряется такой устремленностью. Но все это происходит не так, если истинное препятствует интересам тех, к общению с кем устремляется правдолюбитель и искатель истинного. Истинность мысли определяется не согласуемостью ее с мыслями других индивидов, а соответствием ее с той реальностью, которая в этой мысли отображается или должна отображаться. Творцы мирового прогресса ищут истинное и руководствуются им, ибо оно освещает пути и средства для прогресса цивилизации; а некоторым истинное не нравится, т. к. оно раскрывает и разоблачает их дела несправедливые; и поэтому такие препятствуют, по возможности, прогрессу научного познания, прогрессу фактической истинности идей. Те идеи, которые устанавливаются и господствуют в данном обществе как всеобщие, становятся всеобщими не всегда потому, что они наиболее истинны и глубоки, а сплошь и рядом предомнаживают в интересах господствующих в данном обществе личностей и классов. И в связи с этим неверно суждение Фейербаха, что «То, что истинно, не является исключительно твоим или моим созданием — оно всеобщее. Мысль на которой объединяются Я и Ты — есть истинная мысль. Это объединение только и является санкцией, показателем, подтверждением истины, так как само оно уже есть истина». (см. там же, стр. 12). Различные политичес-

кие группировки объединяются чаще не потому, что те мысли, на которых они объединяются, истиннейши и наиболее прогрессотворнейшие для большинства людей и для всего человечества, а для того, чтобы достичь эгоистических интересов: для завоеваний власти или для взаимодержания себя у власти и господства над тем большинством, интересы которого не только игнорируются и подавляются, но и эксплуатируются. И книги, излагавшие истинное и прогрессотворное знание, сжигались, а ложьплодящие книги издавались.

Критерий истинности не в том, что некто на одинаково мыслящемся объединяется, а в соответствии структуры элементов смыслового содержания мысли структурно-элементному содержанию того реального, которое этим смысловым содержанием мысли отображается, познается, понимается или изображается. Влияние утвердившихся и господствующих в данном обществе интересов на формирование содержания смысло-представлений у индивида может оказываться направляющим мышление индивида на образование у него как более истинного смыслового содержания, знания, так и менее истинного знания, — в зависимости от мнений у господствующих в обществе личностей по вопросам о ценностях жизни и о зависимостях приращения достигаемости этих ценностей с приращением истинного знания у всех членов общества. Таким образом, уже в процессе выобобществления и выобщения индивидуальных содержаний представлений индивидов и формирования из них смысла понятия имеются обстоятельства, могущие влиять на отклонение от истинности содержания формирующегося смысла. Если приращение истинности господствующего в обществе знания, если прогресс познания угрожают интересам господствующего класса, то последний противится этому. Тогда содержание представлений у некоторых индивидов, добывающихся более глубокого и более истинного познания соответствующего предмета, приходит в противоречие с интересами некоторой части людей, образующей собой реакционный лагерь, поскольку пытаются препятствовать новым идеям, прогрессотворным для большинства людей и для всего общества. Но трудящиеся массы, творящие историю и мировой прогресс, кровно заинтересованы в правде, заинтересованы в

достижении такого окончательного, глубокого, точного, подробного и полного раскрытия и познания любого интересующего их предмета, как это возможно вообще — чтоб руководствоваться такими результатами познания и достигать максимально возможного прогресса в личном и общественном развитии. Именно от того, что люди всегда стремились лучше, полнее, точнее, глубже, истиннее познать и понять себя и окружающий мир и жить в большем соответствии с природой и с тенденциями и возможностями своего развития и совершенствования, и происходили все перевороты и в науках, и в религиях, и во всемирной истории человечества.

V.

Развитие символ-представления у индивида обуславливается, помимо ранее отмеченного, необходимостью достижения опознающего соответствия с формой символ-структуры, уже утвердившейся в обществе. А сохранение этого соответствия в памяти, прочная связь в памяти с элементами смысловых структур и способность легко извлекать из памяти в представление обуславливают собой легкость общения и податливость индивида к формированию своих представлений о предмете познания не на основе личного опыта, а путем принятия накопленного обществом знания, т. е. обуславливает лучшую обучаемость. Но этим же заслоняется и поэтому меньше развивается способность к самостоятельному познанию предмета, а значит меньше развивается эврикотворность индивидуального мышления такого индивида. И здесь кроется одно из обстоятельств, сдерживающих собой развитие способностей людей к самостоятельному творческому мышлению и развитие их познавательных способностей до достижения в этом развитии возможного для человеческого разума предела, т. к. таковость его мышления предопределяется уже установившимися и устоявшимися содержаниями смысло-представлений, с принятием которых представление индивида очищается от тех особенностей своего содержания, которые удалось заметить этому индивиду в самостоятельно познававшемся им предмете. И это очищение часто полезно для прогресса истинности знания, т. к. после достижения обществом соответствующих успехов в научном познании опыт многих, опыт,

накопленный историей общества все же чаще оказывается вернее и богаче, чем опыт индивида. Но иногда такое очищение индивидуального представления сопряжено с потерей особых путей и подходов в дальнейшем познании, с потерей тех находок, тропинок и «ключей», которыми только и открываются тайники человечеством познающей реальности. И поэтому односторонние утверждения, что без слов нет мышления и что мыслить необходимо лишь словами с теми смыслами их, которые за ними утвердились, в некоторых конкретных условиях могут причинить вред прогрессу научного познания. Но и одностороннее и чрезмерно нигилистическое отношение к уже достигнутым результатам познания, которые зафиксированы в обществе посредством языка и различных средств хранения информации, также может причинить вред. «Возможно, мы не оказались бы свидетелями весьма печальных итогов, не объяви победивший пролетариат в первые же послереволюционные годы несовместимостью своей идеологии с религией. Именно тогда была, мне кажется, совершена одна из трагических ошибок» ¹⁾

Для прогресса научного познания необходимо развивать и изменять достигнутое знание в его смысловой сфере с целью приведения его к большей истинности и сохранять истинное и прогрессотворное в уже достигнутом, т. к. именно и только смысловым содержанием понятий отображаются и познаются предметы познания, а не держанием неизменным в любом случае уже в обществе закрепившихся результатов познания. А изменение уже достигнутых обобществленных результатов познания и связями с языковыми структурами закрепленных происходит за счет поступлений в содержание уже обобществленных смысло-представлений новых смысловых элементов и идей из еще не обобществленного отображательного содержания представлений индивидуальных мыслителей. Вот откуда идет приращение истинности и вообще прогресса научного познания, а не из обезличенной истории. И вот почему ученые спорят о содержаниях понятий.

Развитие смысло-представления обуславливается потребностью достижения соответствия структуры комплекса

1) Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.
См. газ. «Правда» 17.07.90 г.

антиощущений этого представления со структурой комплекса ощущений от восприятия соответствующего объекта познания, а движение, изменение и развитие объекта познания и неосознающихся процессов в органе памяти, уменьшающих прочность памяти или нарушающих связи запоминания, обуславливают нарушение этого соответствия и вынуждают субъекта творчески вырабатывать отображательные структуры своих представлений с целью удовлетворения своих интересов, что развивает у него силу творческого воображения и эвричность мышления.

Структура символ-представления тем лучше выполняет свою роль в познании, чем легче, точнее и прочнее она запоминается и чем лучше она вспоминается и при этом активируется и извлекает из памяти связанную с ней смысловую структуру; а смысловая — наоборот, лучше выполняет свою роль, если она гибка, лабильна и развивается в мышлении так, как развивается отображающийся в ней реальный предмет познания.

Развитие символ-представления ограничивается достижением тождественности с выобобществленной формой своей структуры и удерживается в этом состоянии памятью всей общности индивидов и артикуляционно-восприимчивыми способностями их органов, реализующих языковое общение. А развитие смысло-представления ограничивается достижением соответствия со структурой предмета познания и сдерживается чувственными возможностями органов восприятия, могущих подтвердить это соответствие, обуславливается развитостью языка, характером интересов данного общества, технологическими запросами и возможностями общественного производства, характером и уровнем развития структуры общественных отношений, социальным строем общества.

Символ-представление понятия является средством для выражения, сверка, уточнения и выобобществления смыслового представления в обществе; а смысло-представление является средством отображения и познания интересующего человека предмета и средством управления движением, поведением человека по отношению к этому предмету.

Понятия, сформированные у человека языковыми структурами, позволяют усвоить результаты познания, достигну-

тые другими в ходе истории; а творческое формирование представления с учетом исторических достижений и истинных мнений других людей и в результате сопоставления этих данных с современным состоянием предмета и выявления несоответствия или недостаточности познания этого предмета позволяют сосредоточить внимание на познании сущности и причин этих несоответствия или недостаточности. И в результате применения силы творческого воображения, новых приборов или новых логико-методологических приемов и гносеологических идей человек может глубже и вернее познать предмет и существенно и прогрессивно обновить свое представление о нем. Но потом перед человеческим индивидом стоит проблема превращения своего обновленного представления в смысло-представление, т. е. проблема изменения и обновления в обществе утвердившегося смысла понятия. Здесь и обнаруживаются препятствия и возможности дальнейшего развития понятия как формы мышления и познания, пути и средства этого развития. Для этого, очевидно, личность должна соответствующим образом выразить в структуре языка обновленное смысловое содержание своего представления и добиваться признания его и обобществления, от чего оно и станет понятием. Но это влечет соответствующие перестроения в обществе циркулирующих языковых структур, состоящих из тех же исходных символических, второсигнальных элементов или пополняющихся и обновляющихся.

Выобобществленное и утвердившееся в обществе смысловое содержание понятия затем оказывается зависимым от общества которое или сдерживает его дальнейшее развитие, если общественная потребность на это развитие еще не дала о себе знать, или содействует, стимулирует индивидов на поиски нового, если общественная потребность на это новое достаточно созрела и дает о себе знать. История развития познания дает этому множество примеров. Сегодня, например, трудно себе представить то величие, которое означали для своего времени открытия Шампольона, позволившие расшифровать древнеегипетские письма и открыть миру историю Египта аж до времени свыше полторы тысячи лет до нашей эры. Поскольку верный путь, который привел к открытию, изменившему представления о

древней истории человечества, теперь извесен, а поэтому ложные пути представляются наивными, северные представления — ослеплением, сама проблема — простой, то и величие этого открытия со временем несколько теряет в своем величии. Но это удалось сделать Шампольону лишь благодаря тому, что он свое мнение противопоставил мнению Горраполлона, на которого молился весь ученый мир и авторитет которого держался у историков неизбежно с IV века нашей эры до двадцатых годов XIX века, когда Шампольон расшифровал иероглифы. Многие предшественники и даже сам Шампольон натывались на правильное решение вопроса о том, что смысл иероглифов фонетический, а не символический, как это с авторитетной руки Горраполлона утвердилось в археологической лингвистике. Но всякий раз отбрасывали эти догадки под влиянием авторитета и господствовавшего мнения пока Шампольон не решился порвать с Горраполлоном, что и привело к расшифровке древних текстов. Еще более яркий и убедительный гносеологический урок в истории познания дал Коперник, который пошел наперекор освященному столетиями авторитету Птолемея и Аристотеля, не говоря уже о том, что старая система представлений была канонизирована церковью. Особенность гносеологической ситуации в современной физике и во всей ныне устаревший СНОЗ состоит в том, что дает о себе знать потребность в радикальном обновлении системы ее фундаментальных идей, понятий и представлений.

И Ф. Бэкон отмечал источник вреда наукам «уже давно укоренившемся в наших университетах и выражающемся в чрезвычайно вредном разрыве между упражнениями, требующими запоминания, и упражнениями, предназначенными для того, чтобы развить творческие способности» ¹⁾. Ныне существующая система обучения существенно не изменила соотношения нагрузки на память и на творческое мышление. И сейчас главным образом учат тому, что нужно запомнить и знать, а не тому, как нужно познавать. Блестящая память и блестящий интеллект — понятия отнюдь не равнозначные; более того, чрезмерно прочная и емкая память и легкая и хорошая вспоминаемость запомненного вредят

1) Ф. Бэкон. Сочинения в 2-х томах. М., 1971 г., т. 1, стр. 152

одной из сторон интеллектуального развития — развитию способностей творческого мышления.

Развитие научного познания и культуры сильно зависит от всего того, что уже сделано предками, но не фатально, не так, что все уже заранее предопределено и остается лишь пассивно следовать по следам, старинною предначертанным. Принцип преемственности в развитии научного знания играет важную роль не только в том отношении, что из уже достигнутых результатов необходимо сохранить все подлинно истинное и прогрессотворное, но и в том отношении, что в тех случаях и на тех этапах развития научного познания, когда утвердившаяся система научного объяснительного знания исчерпала свой объяснительный, эвристический и прогностический потенциал, свой потенциал к дальнейшему прогрессивному развитию, что обуславливается недостатками состава и смыслов ее образующих фундаментальных понятий, то преемственность позволяет уяснить к этому приведшие недостатки, открыть, уяснить и сформировать новые или существенно обновить фундаментальные понятия и повернуть или подправить направление дальнейшего развития научного познания в наиболее прогрессивное с целью достижения предельновозможных его результатов.

Развитие познания происходит не благодаря тому, что потомки приводят свое знание в соответствие со знанием своих предков и сохраняют его в таком соответствии (этим обуславливается консервативность знания), а благодаря тому, и настолько, что и насколько потомки изменяют знание предков и приводят его в более глубокое, точное, подробное и полное соответствие с предметом познания, при сохранении истинного старого в новом. Ничто не сможет устоять перед историческим прогрессом научного познания и истинности его результатов; и препятствующие этому реакционеры в конце-концов неизбежно потерпят поражение.

И если научные или религиозные воззрения оказываются не истинные, то они должны заменяться найистиннейшими и наиблагопрогрессотворнейшими, что и будет по-божески.

В итоге мы видим, что нет никаких идей, никакого знания вне органов и процессов познания индивидуального субъекта; но по каналам взаимосвязи между ними могут обращаться отображения языковых информационных струк-

тур, которые (наряду с другими формами взаимодействия) обуславливают структурное объединение людей в общественную систему и единство, функционирование, целостность и развитие общественных систем и речевых форм познания индивидов; и что понятие как форма речевого опознания и мышления индивида есть особый уровень развития представления, функциональное состояние, состав и сложность которой образуется из предшествующих процессов и форм познания и мышления, связывающихся, чередующихся и взаимодействующих в процессе функционирования в этом своем новом составе взаимоактивацией своих слагаемых (смысловой и символической) и превращением их структуру из восприятийной формы, в форму запомненного, на запомненного в форму представления, из представления в форму кинематики и вновь в восприятийную форму и т. д. «... В отношениях между людьми, — писал Дидро, — нет ничего, кроме звуков и действий». 1) и добавим к этому, кроме материального и идеального, составляющих собой всеобщую сущность всякого сущего реальности. Мышление людей есть особый процесс, протекающий в организме человека; но этот процесс, как и организм, составляются, образуются и реализуются элементами, материально-идеальными в своей сущности и образующимися из всеобщих начал бытия и наименьших элементов сущего реальности.

Переход восприятия в представление и представления в понятие осуществляются не только в результате истории филогенетического и онтогенетического развития человеческого организма, его органов познания и познавательных способностей. Этот переход осуществляется и пространственно в ходе теперешнего развертывания в человеке и в его окружении осуществляющегося отображательного и познавательного процессов: от отображений во внешней среде к ощущениям и восприятиям человека, а далее — переход от отображений в память и возврат их из нее в форме структуры антиощущений представления смысловых или символических структур и выход их отображений из организма кинематикой символического движения, воспроизводящего символические отображения во вне, или произведениями отображений пове-

1) «Антология мировой философии», М., 1970 г., т. 2, стр. 658—659.

денческих, не символических, производственных движений человека. Обиталищем понятия является лишь та область организма человека, в которой реально протекают процессы, реализующие нами уясненную суть понятия, две его основные функционально-взаимосвязанные составляющие (символическая и смысловая) процессы, получающиеся в результате соответствующих взаимодействий соответствующих элементов, всеобщая суть которых состоит в том, что протяженность себестоительного качества их составляется из материальных взаимодействующих нечто, а разрыв, конец, граница их образуется в результате проявления или выяснения какого-нибудь отличия этого нечто от соприкасающегося с ним иного нечто. За пределами этой области и этих его составляющих понятие переходит в иные состояния и формы процесса познания и отражения вообще. Все обиталище понятия есть обиталище представления, но не все то и там, чем образуется и есть представление, является и понятием, т. к. последнее есть особые уясненные нами две части структуры представления, функционально взаимосвязаны в памяти человека. И если этой связи нет, то эти структуры не могут составить собой такую форму отражения как понятие, и сами по себе могут быть или только разными представлениями о разных вещах, или не соединенными в памяти разными структурами разного запомненного, или разными структурами восприятий разных вещей, или просто разными структурами отображений разного. Т. к. с некоторыми музыкальными фразами или с некоторыми балетными движениями обобщественно связаны соответствующие смысловые представления, то и в соответствующих видах искусства и формируются специфические «языки», являющиеся средством художественного выражения соответствующих образов.

Муравьи, видимо, оперируют только извлеченной формой немногих представлений, активация, извлечение содержания которых осуществляется восприятием не символических структур, а таких, которые соответствуют смысловым структурам, т. е. демонстрационных, по принципу «делай как я», что и позволяет им до известной степени организоваться в муравьиное сообщество. У муравьев и у пчел, видимо, отображения самых легких, мелких и удобных движений специфических органов не связываются со смысловыми струк-

турами и не взяли на себя функцию символической активации соответствующих смысло-представлений. Как у людей, если бы не было никакого дефицитного товара, как, например, золото, столь удачно подходящего для роли выражения и обращения эквивалента всеобщей стоимости товаров, и если бы все необходимые товары были одинаково удобны и неудобны для этого, то обмен товарами осуществлялся бы, видимо, в форме продуктообмена, подобно этому и у муравьев не выделяются специальные символические движения, т. к. нет у них соответствующих органов, более пригодных и удобных для этой функции в их условиях обитания. Они оценивают друг друга и предметы усиками. А особенность биолого-физиологических циклов в воспроизведении индивидов и общественных систем муравейников не обусловила до сих пор и, по-видимому, не может обусловить и в будущем выделения, межвнутрииндивидного закрепления и преемственной передачи потомкам символического языка (муравейная матка не выходит на поверхность; она обучает только нянек, а доставщики пищи учатся друг от друга и от муравьев соседних муравейников, т. к. язык демонстрации личного примера позволяет достичь некоторого взаимопонимания; потому-то к нему и прибегают для взаимобъяснения те, кто не владеет общим языком).

Выделению более совершенных символических структур в обществе предшествовало употребление предметов (тотем), рисунков, схем, икон и пр. как средств смыслового общения и сопровождалось этим. Язык эскимосов сильно опирается на мимику, жесты, глаза. Китайские иероглифы являются условными схематическими картинками или простейшими чертежами, состоящими из определенных наглядных элементов, формирующих в совокупности конкретное смысловое содержание, в результате чего для каждой мысли нужен особый рисунок и обучение письму и образованию людей от этого затрудняются.

Первая в мире система автоматизированного перевода «Коммуниаб» успешно работает потому, что: «Примененный в «Коммуниабе» метод перевода близок к так называемому опорному методу. В основе его лежит гипотеза о том, что все языки имеют общие идеи и понятия, которые могут быть выражены посредством символов с общими

«значениями» и переведены на необходимый язык при помощи характерных для него языковых структур. Таким образом, оперируя «значениями», можно избежать дословного перевода...»¹⁾

ГЛАВА 3. О СУЖДЕНИИ, ОПРЕДЕЛЕНИИ И УМОЗАКЛЮЧЕНИИ.

§ 1. Суждение.

I

Реальный элемент изменяет свой состав, структуру и свойства лишь в результате действия и взаимодействия с другими реальными элементами или под влиянием условий реальной среды. И понятие может изменять свое содержание (смысловое или символическое) лишь в суждении, при помощи которого реализуется мысленное действие мыслящего над содержанием данного понятия, действие и взаимодействие содержания этого понятия с другим содержанием или с содержанием другого понятия.

В результате процесса обращения символ-структуры в данной общности индивидов с ней связывающаяся смысловая структура понятия повторяемостью извлечения из памяти в представление и признанием выобобществляется, комплектуется, обособляется, запоминается, упрочняется и соответствующим образом связывается с символ-структурами в памяти этих индивидов. А структуры символ-представления кинематируются и в результате воспроизведения символических движений трансформируются в отображения символ-структуры и объективируются в процессе языкового общения, а с появлением письменности фиксируются в соответствующих текстах. Сохранение закрепившейся в памяти индивидов связи символической и смысловой структур обуславливается: свойствами и сущностью самой памяти; результатами практики индивида, руководствующегося запомнившимся; процессом общения и обучения индивида в обществе (усвоение знания проверяется тем, что учащий добывается получения от учащегося воспроизведения языковых структур, аналогичных выраженным в процессе обуче-

1) См. «Литературная газета». № 49, 04.12.85 г., стр. 13.

Статья А. Удальцова: «Колесно обозрения».

ния) и последующим влиянием в обществе установившегося и господствующего мнения на мнение индивида. При всем этом действует физиолого-анатомическая предрасположенность человеческого организма к выработке и усвоению языка, общественный характер жизнедеятельности людей и социальностью обуславливающаяся обучаемость индивидов в обществе. Степень общности смысловой структуры данного понятия повышается по мере таких изменений и уточнений ее, благодаря которым достигается инвариантная подтверждаемость ее фактами в более разносторонних условиях и связях ее с предметами и у большего числа индивидов. Положительность или отрицательность этих обуславливающих проявляется в зависимости от конкретной ситуации.

Важно отметить, что в понятии символ-структурой фиксируется и удерживается компактной и относительно неизменной смысловая структура, ядром которой является ее существенное и отличительное содержание, позволяющее в процессе сопоставления с потоком текущих восприятий опознавать тот реальный предмет, к которому соотносится это смысло-представление в целях отображения, познания его. Но при этом ядре смысло-структуры индивид может мыслить в своем представлении об этом предмете и другое выобобщественное и невыобобщественное содержание. Взаимоструктура антиощущений, составляющих собой смысловое содержание данного понятия, имеет комплексный, конгнитивный характер. Память человека (и не только человека) по природе своей приспособлена и устремлена на выобобщение общего из множества структур воспринимающихся отображений и на фиксацию такого в себе для сохранения, т. е. она запоминает и сохраняет запомненное, снимая его как наиболее часто повторяющееся одинаковое в потоке чувственно-восприятных данных, снимающихся и из относительно неизменных и из изменяющихся, текущих, движущихся процессов и предметов. Постоянная символическая структура связывает собой и удерживает смысловую структуру, составляющуюся соответствующим комплексом антиощущений. И В. И. Ленин отмечал факт, что в понятии действительность отображается огрубленно, омертвлено, с прерыванием

непрерывного. Именно обществом принятая связь устойчивых смысловых структур с символ-структурами в понятии и позволяет применять к ним знаки для формализованных операций, исчислений, когда знаками жестко фиксируются четко определенные смыслы понятий. Без изменения той языковой структуры, которая выражает, определяет или описывает смысловое содержание данного понятия, смысловое содержание его не может в обществе понятной форме уточняться, изменяться, развиваться, обновляться или пополняться за счет смыслового содержания необобщенного индивидуального представления. Чтобы прибавить или отнять какое-то смысловое содержание от смыслового содержания понятия, первоначально таким-то несколькими субъектами мыслившегося, чтобы как-нибудь его изменить, необходимо произвести соответствующее мысленное (логическое) действие, дающее или образующее собой структуру суждения как форму процесса мышления и как форму результата мышления.

СУЖДЕНИЕ как раз и есть той формой, посредством которой осуществляется изменение, уточнение, уяснение и развитие выобобщенного смыслового содержания понятия. И в самом деле, представьте себе какое-нибудь смысловое и символическое содержание любого понятия и попробуйте изменить обобщенное смысловое содержание этого понятия без суждения. Ничего не получится. Процесс, результатом которого было бы изменение смыслового содержания понятия, происходит в форме размышления, т. е. сопровождается соответствующим преобразованием структур, составляющих это понятие; а для достижения согласия других индивидов с таким-то изменением смыслового содержания, с таким-то новым или обновленным смысловым содержанием, субъект вынужден выразить его при помощи соответственно перестроенной, измененной символической структуры, кинематикой соответствующего порядка соответствующих символических движений произвести в окружающей среде потоки отображений этих символических движений, могущих восприниматься другими в форме речи.

Пусть в памяти субъекта имеется некоторая легко опознающаяся комплексная, отделяющаяся от других и общепринятая символ-структура и так связанная с ней обобще-

ствленная (=примерно одинаковая у индивидов данного общества) смысло-структура, в которой отображается объект познания, что восприятием или представлением первой активируется вторая и облегчается извлечение второй из памяти в представление. И если этот субъект в своем представлении выявит и выделит еще какой-то элемент (=протяженное антиощущение с идеальной границей, отделяющей его от иных антиощущений), отнятие или дополнение которого от или до уже обобществленного смыслового содержания соответствующим образом изменяет отображение соответствующего объекта познания, и если этот субъект хочет добиться согласия, одобрения, признания этого другими индивидами и тем самым соответственно изменить уже обобществленное смысловое содержание этого понятия, то этот дополнительный элемент смыслового содержания (операнд) необходимо связать с соответствующей символ-структурой у соответствующего количества индивидов и при помощи уже адекватно понимающейся символ-структуры, выражающей собой операцию (добавления или отнятия), выразить отношение между уже обобществленным смысловым содержанием понятия и этим еще не обобществленным элементом, и убеждать в этом других всевозможными средствами: другими языковыми высказываниями, демонстрацией и пр., добиваясь обобществления новой символ-структуры и ею выражаемой смысловой структуры,

Следовательно, суждение есть такая часть (такое образование) языкового выражения с такой формой своей структуры, в ходе восприятия которой производится актуализация и обособленное выделение в представлении нескольких элементов или фрагментов смысловой структуры и установление или уяснение смыслового отношения между ними при помощи языка, символических структур. Разумеется, что выделенные при этом в представлении элементы (антиощущения или их комплексы с границами-ничто), взятые в единстве со своими языковыми (символическими) структурами, являются понятиями. Этим и определяется состав суждения, которое в своей простейшей форме и должно выражать не менее трех понятий: двух понятий и понятие связки, отношения между ними (простое суждение). Суждение есть такая языковая структура, выделенные и выобобществлен-

ные элементы или фрагменты которой вызывают из памяти в представление индивида связанные с ними в его памяти элементы или фрагменты смысло-представления и представляют и облегчают ему возможность сосредоточить свое мышление над ними и их отношениями.

Сила и особенности чувственных такостей ощущений и адресация расформирования структуры потока символических восприятий (как и любых восприятий) в органе памяти предопределены особенностями структуры, уровней сложности и густоты ее фиксирующего и несущего множества элементов, особенностями их воспринимающих органов чувств и особенностями схем нейроконтактов, образующихся при этом и до этого. Воспринимающаяся символическая информация поступает в соответствующие места памяти, активизирует, возбуждает принявший ее элементарно-структурный участок памяти, с которого под влиянием сознания снимаются запомнившиеся последствия тех восприятийных данных, которыми ранее сопровождался прием этой символической информации, которые ранее связались с ней и которые теперь возбуждаются ею, которые отображали собой соответствующий предмет познания и которые являются смысловой информацией и извлекаются сознанием из памяти смысло-представлением. В результате во внимании сознания оказываются смысло-представления, извлекающиеся элементами и фрагментами в такой последовательности и с такой взаимоструктурой, которые предопределены структурами (строями) языковых (символических) восприятий или которые, кроме того, получают еще от субъекта соответствующую меру преобразования: сознательного или неосознанного, творческого или консервативного.

Следовательно, изменение, уточнение, развитие уже утвердившегося содержания понятия осуществляется в результате включения в него новых или исключения имеющихся структурных элементов или в результате уточнения отношений между ними, что реализуется суждением. Иначе, как не через суждение, содержание обобщественного понятия изменить невозможно. Однако суждение — это не самодвижение понятия, а процесс мыслительных движений, усилий органов мышления, действие мыслящего субъекта с теми элементами в содержании представления, из которых состоит, формируется или преобра-

зуется содержание понятия и которое составляется из протяженностей антиощущений и их границ-ничто). Следовательно, изменение, развитие содержания понятия происходит не в результате его самоизменения, его саморазвития, саморазщепления, саморефлексирования, а в результате соответствующей мыслительной деятельности над ним того, кто его исходное содержание мыслит. И новый элемент, дополняющийся к уже обобществленному комплексу антиощущений берется не из «совокупности общественных отношений», не из межиндивидуальной среды, а из еще не обобществленной части содержания представления какого-то конкретного человеческого индивида, благодаря и ради взаимообщения индивидов в обществе, благодаря и ради прогресса человека и общества.

II

Спорят по вопросу соотношения понятия и суждения: что первично по происхождению? понятием ли порождено суждение или наоборот? и что сложнее и развитее как форма процесса и результата мышления? Этот спор отчасти обусловлен сложностью вопросов и трудностями их решения. Одни твердят, что суждение генетически первично и производит собой понятие; другие твердят обратное.

Идею, что всякое понятие и всегда возникает из суждения, а не суждение из понятий, рьяно отстаивают те, кому по политико-идеологическим соображениям выгодно вести дальнейшее объяснение источников развития знания примерно так: Понятия появляются из суждений; но не трудно показать, что суждения возможны лишь в обществе, когда есть Я и Ты, и лишь в языковой оболочке. Следовательно, всякое знание произрастает из истории общества и идет к индивиду языком. Значит для поисков истины следует устремляться не к изучению реальной действительности какой она есть и может быть, а к изучению главным образом истории, древних текстов, забвением которых и объясняются пороки современного общества. Т. е. эта концепция дает основание для такого «нового мышления», о котором в «Правде» (за 30.10.78 г., статья: «Псевдотеории» нового мышления) Юрий Жуков пишет, цитируя слова французского политического обозревателя журнала «Пуэн» Пьера Бийара: «Завтрашний день сулит разочарование, а сегод-

няшний гнетущ. Ну что ж... остается прошлое (!), которое надо вновь завоевать и сберечь... Этот возврат к прошлому, эти поиски корней обретают самые разнообразные формы, начиная от публикаций множества воспоминаний и свидетельств о былом и кончая подлинным нашествием книг, фильмов, журналов, телепередач, посвященных истории. Это, конечно, происходит не случайно». Реакционерам нужно и важно не исчерпывающее познание предмета, не вера человека в прогресс и в справедливый и наиболее прогрессотворнейший общественный строй, а то чтобы он чтил величие прошлого и сопротивлялся бы вовлечению в движение по всестороннему совершенствованию общественного строя и развитию его в наиболее прогрессотворнейшее состояние.

Понятие первично и только из понятия появляются суждения, говорят занявшие противоположную позицию в споре по этому вопросу. Куда ведет эта крайность? Если так, то все и всякие идеи самостоятельно произрастают у человека вместе с ростом и саморазвитием его организма, не поддаваясь влияниям в обществе циркулирующих понятий и суждений и являясь результатом саморазвития изначально заложенных в зародыш этого организма идей, предопределенностей и прочего такого. Следовательно, от самого человека не зависит то, каким ему быть, и он не несет никакой ответственности пред обществом за все свои идеи и проделки. Анархизм, прагматизм, рвачество, садизм, крайний эгоизм, культ телесной похоти и прочее получают псевдонаучное обоснование и объяснение.

Трудности этого вопроса обусловлены тем, что в рамках монистической логической формы, без признания объективности идеального (как той противоположности материального, суть которой в этой работе уже выражена и выяснена) невозможно познать и объяснить сущность процессов отображения, его форм и их развития из форм отражения в неживой природе до психических форм отображения, до мышления неречевого и речевого.

Мы получили понятие как результат дальнейшего развития представления в свою обобщественную форму, а суждение есть средство для развития, есть такая форма мыслительного процесса, результатом которой становится, уточняется и развивается понятие. Понятие есть узловой

пункт в развитии познания вообще, результаты которого фиксируются, группируются в некоторую обособленную целостность смыслового содержания и сохраняются, а суждением формируются и переформируются, изменяются, уточняются, перегруппировываются и развиваются смыслопредставления понятий. При этом следует различать суждение как форму процесса речевого мышления и как форму, состояние результата речевого мышления.

Любое понятие со всем своим содержанием (смысловым и символическим) является результатом тех суждений и остенсивных ¹⁾ и неостенсивных определений, восприятий и кинемаций, демонстраций и деятельности, благодаря которым это понятие образовалось и выобобществилось. После своего образования и обобществления символ-структура понятия обращается в обществе не со всей языковой структурой всех образовавших его слов и словосочетаний, суждений и определений, а лишь с тем фрагментом ее, который является названием и которого оказывается достаточно, чтобы вызвать в памяти у индивида, принявшего это название, или все содержание этого понятия, или чаще лишь его ядро. Для того, чтобы у индивида было сформировано все обобществленное смысловое содержание понятия, а не только его ядро, он должен доразвить в себе содержание этого понятия путем воспоминания или путем восприятия суждений об этом понятии из речи других или из письменных текстов. Воспоминанием или восприятием дополнительных языковых структур в результате соответствующих усилий сознания вокруг смыслового ядра группируется или формируется все остальное смысловое содержание понятия. А затем, под влиянием личного опыта, мыслительного напряжения человека, творческой силы воображения и способностей к преобразованию и формированию своих представлений, ко всему содержанию или к части содержания этого понятия и к его ядру сознательно или бессознательно могут подключаться (могут и смешиваться, подменяться, замещаться и т. п.) элементы или фрагменты смыслового содержания.

- 1) Остенсивное определение — такое простейшее определение значения слова, когда непосредственно показывается на предмет, который обозначен этим словом.

ния индивидуального представления о том же объекте познания.

Для того, чтобы смысловое содержание понятия, которое уже обобществлено и зафиксировано обобществленными языковыми структурами, обращающимися в обществе, изменить, обновить, необходимо подвергнуть его переформированию в представлении, а затем соответствующим образом переработать его выражающие символические структуры; т. е. для этого необходимы новые суждения и определения, структура и элементарно-фрагментный состав которых в соответствующей мере были бы иными по сравнению с предшествующими и достаточно понятно определяющими его смысловое содержание. И если при этом появляется потребность вводить новые термины (символ-структуры) и связывать их с новым смыслом, от этого можно и должно выполняться определениями. Определенные каким-либо образом (остенсивно, демонстрацией или определяющими суждениями) понятия затем включаются в состав различных суждений, которыми осуществляется познавательное общение, распространение знания в обществе; а в качестве результата особо составленных, отображенных и связанных суждений могут образовываться новые смыслопредставления и определения новых понятий.

Таким образом, любое понятие является результатом определений или суждений, «...суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать...» 1); а для своего изменения и развития нуждается в новых суждениях и определениях, отличных от тех, результатом обращения между индивидами которых оно образовалось. Без суждений понятие не развивается, а проявляется у индивида таким, каково оно у него стало и есть в результате развития представления в понятие уже уясненным образом. Посредством суждения реализуется процесс изменения и развития понятия, завершающийся определением его смыслового ядра и связыванием последнего с кратким названием. Естественно, что это изменение может протекать в разных направлениях: например, от истинного к ложному и от ложного к истинному; от менее сложного,

1) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 85;

глубокого, подробного, полного и точного, к более таковому и наоборот.

Так что же, понятие или суждение, первично? Это похоже на проблему первичности курицы или яйца. Ведь суждение состоит из понятий, но понятия развиваются суждениями!? Правильный ответ можно получить лишь в конкретной ситуации, лишь в том случае, когда будет однозначно фиксирован смысл первичности, исходный смысл конкретного понятия, составил и строй суждения и смысл составляющих его частей. (так же, как и в случае с курицей и яйцом: если брать эту курицу и это яйцо, то возможен правильный ответ, а т. к. яйца вообще и курицы вообще нет, то и точного ответа нет). Если мы берем данное понятие не в аспекте его развития и становления, а как ставшее и имеющее такое-то символ-структурами фиксированное смысловое содержание и рассматриваем его по отношению к суждениям, в состав которых оно входит, то здесь происхожденческая первичность понятия очевидна. Если же мы будем рассматривать это понятие по отношению к тому суждению, которое (одно или в связи, в строю с другими) дает, определяет или выражает смысловое содержание символической структуры данного понятия, то оно будет вторично по происхождению именно по отношению к этому (или к этим) суждению. При этом следует также учитывать, что понятия вне мышления индивида нет. Так что в учет вышеуказанной конкретной ситуации должно также входить и учет наличия фиксации не только конкретного содержания в данном понятии, но и фиксации конкретного субъект-индивида, в мышлении которого появляется и проявляется это понятие с учетом субъективных особенностей процесса, образующего это понятие. Т. е. нельзя не только подменять рассмотрение становления и развития содержания одного понятия другим, но нельзя подменять также и рассмотрение понятия в символ- и смысло-представлениях одного человека рассмотрением его у другого человека или рассмотрением его как понятия вне человека вообще и как понятия вообще. Вне мышления человека понятия нет, а есть лишь языковые, символические структуры в информационных потоках или зафиксированные в средствах хранения информации, смысловые

значения которых остаются у замечавших и запомнивших их человеческих индивидов.

Для образования данным человеком суждения необходимо, чтобы в его мышлении образовались: во-первых, по меньшей мере два целостных смысло-представления, имеющие своим содержанием такие обобщенные структуры отображений, лишенные частных несущественных особенностей (пусть структуры «О» и «/»), которые обособились в поле памяти и отличаются от других, распознаются среди других и извлекаются из памяти в представление обособленной от другого целостностью; во-вторых, по меньшей мере одно смысло-представление об отношении между любыми двумя обособленными смысло-структурами (в нашем примере пусть «/О»); в-третьих, эти (по меньшей мере три) смысло-представления должны быть связаны в памяти с соответствующими символ-структурами (пусть смысло-структура «О» связана с символ-структурой «круг», а смысло-структура «/» связана с символ-структурой «отрезок прямой», смысло-структура связи этих смыслов связана с символ-структурой «касание»). Лишь тогда человек сможет произвести простое суждение «отрезок прямой касается круга», которое, будучи воспринято другим человеком, вызовет у него соответствующее смысло-представление. Родившийся ребенок не произведет простейшего логически правильного суждения до тех пор, пока в результате восприятий структур внешних предметов и соотносимых к ним совпадающих по времени с ними восприятий структур символических движений в его мышлении не образуются различимо и обособленно извлекающиеся из памяти по меньшей мере три пары структур (в каждой паре смысло- и символ-структура), в двух из которых содержатся выделенные, извлеченные или сформированные в мышлении такие смысло-представления, структурные элементы которых находятся уже в соответствующих связях и отношениях, т. е. в соответствующей структуре, объединяющей собой свое содержание, а третья из которых содержит символ-структуру, связанную со смысло-представлением о самих этих связях, движениях и отношениях, т. е. о том, при помощи чего образуются, преобразуются, объединяются или разъединяются сложные смысло-структуры из или на элементы, части и пр.

Для суждения необходимо не два мысленных элемента, а минимум три, достигших формы понятия, т. е. имеющих функционально связанные символическую и смысловую структуры; связка — весьма существенный элемент суждения, т. к. она фиксирует собой то, как соотносятся (связываются ли, отсоединяются ли, как-то располагаются и пр.) одно смысловое нечто с другим.

Ход развития содержания какого-либо понятия таков: простая или сложная структура представления какого-либо индивидуального субъекта в результате простейших определений (демонстрациями, производящими отображения смысло-структур, сопровождаемыми символическими движениями, производящими отображения языковых структур, указательными предложениями типа «Это есть стол» и т. п.) связывается с символ-структурой, обобществляется, становится смысло-представлением и тем самым приобретает форму понятия. Затем, несколько понятий некоторым образом связываются при помощи более сложной языковой структуры, образующей собой суждение. Некоторое множество особым образом выбранных и связанных суждений определяют собой смысловое содержание нового понятия, т. е. своим количеством, смысловым содержанием и грамматическим строем вызывают и направляют в мышлении индивида, воспринимающего символ-структуры этих суждений, формирование иной или новой (более или менее сложной) смысло-структуры, и связывают с этим новым смысловым фрагментом (новым вообще или новым для данного человека) новую символ-структуру и т. д. В процессе развития понятий и образования сложных понятий из простых имеет место какое-то подобие тому, что происходит и с элементами и системами в объективной реальности: реальные элементы в результате некоторых действий и взаимодействий под влиянием своих свойств и условий среды меняют свои структуры или составляют собой более сложные образования (атомы составляют молекулы, например).

Для достижения взаимопонимания в процессе обмена суждениями необходимо, чтобы понятия достигли такого уровня развития у собеседников, при котором каждый языковой фрагмент адекватно и обобщественно выражал бы, будировал бы, активировал бы и извлекал бы из памяти соответствующий элемент или фрагмент структуры смысло-

представления, связанный с ним функционально в памяти и в мышлении. И особенно важную роль здесь играют так называемые логические связки. Ибо они выражают собой отношения между смысловыми концептами суждения и это отношение должно быть взято и выражено в истинном его содержании, которое вообще-то может мыслиться весьма многообразно, как и отображающиеся ею отношения между реалиями также могут быть многообразны. Так, логическая связка «есть» простого суждения охватывает собой самые разнообразные отношения и состояния субъекта и предиката суждения: и подведение единичного под видовое множество, и подведение представления о предмете под языковое имя этого предмета, и выражение наличия какого-то свойства или структурного признака (элемента) у предмета познания, и его отношение и состояние по отношению к другим предметам (в аспекте объект-объектных отношений), и его особенности и состояние по отношению к человеку, и пр.

А в формальной логике логической связке пытаются придать строго фиксированный и однозначный смысл, от чего формализованные исчисления отображают односторонне, лишь какой-то срез, а то и вообще вводят в заблуждение. Особенно наглядно проявляется источник заблуждений, обусловленный неясностью роли логических союзов и связок и обусловленный несоответствием многозначности и различий тех объективных реальных отношений и связей элементов объекта познания, которые затем в логике суждений принимают за однозначные и одинаковые. Так, например, в современной логике два простых суждения «А» и «В» связывают конъюнктивно в сложное суждение «А и В» и считают его истинным при истинности «А» и истинности «В» независимо от тех различий, которые при этом могут иметь место во взаимоотношениях того, что выражено суждением «А» с тем, что выражено суждением «В»: или это такое отношение, как в суждении «Роза прекрасна и роза имеет колючки», или это такое отношение, как в суждении «В огороде бузина, а в Киеве дядько». А ради истинности следует стремиться к тому, чтобы суждением связывались только те смысловые элементы, только такие и толь-

ко так, как это есть на самом деле в той реальности, отображение которой выражается этим суждением. И поэтому обобщительный смысл языковых средств при этом играет чрезвычайно важную роль и является или источником взаимопонимания, истинного познания и согласия или источником заблуждений, споров и отсутствия взаимопонимания; а при проведении уточнения и уяснения тех смысловых различий, в которых они выступают в конкретном контексте, может стать источником более точного и более эвристичного мышления.

III.

Не только понятие, но и суждение имеет свой путь развития и специфические состояния, соответствующие уровню своего развития. Так, можно выделить исходное состояние суждения, когда у развивающем свое мышление человека происходит процесс образования исходных понятий при помощи простейших указательных суждений, выполняющих роль простейших определений, т. е. связывающих символ-структуру со смысло-структурой. Для таких суждений характерно то, что они должны сопровождаться соответствующими восприятиями. Они по сути своей не достигли состояния суждения, а являются указательными предложениями. Более развитое мышление, имеющее достаточное количество взаимно связанных символ- и смысло-представлений, получает возможность осуществлять формирование новых смысло-представлений без обращения к соответствующим восприятиям, а при помощи выявления возможных новых связей между уже имеющимися в памяти структурными элементами и фрагментами смысло-представления, т. е. путем логического вывода или умозаключения. Зрелого состояния суждения достигает тогда, когда в нем осуществляется установление или исключение какого-либо отношения или связи между несколькими обособленными смысло-структурами в представлении без обращения к восприятию смысло-структур, хотя соответствующие символ-структуры могут при этом восприниматься и воспроизводиться. Когда некоторая языковая структура движет мысль лишь в сфере смысло-структур, то она выполняет функцию суждения и при том достаточно развитого. А когда языковая структура движет мысль от символ-структуры к смысло-структуре или наоборот,

рот, т. е. связывает имя или знак с его смыслом, значением, с тем, что следует мыслить под этим именем или знаком, то она выполняет функцию определения. Зрелые суждения произрастают из остенсивных (простейших) определений, образующих собой соответствующие понятия. Современные логики не замечают этого и не учитывают процесса развития форм мышления и особенностей этапов на пути их развития: они берут их не в развитии, а как изначально данные, и поэтому и настолько их логика недиалектична. Логические процессы она вырывает из и изолирует от взаимосвязанных и взаимопереплетающихся с ними и их осуществляющих психо-физиологических, био-физических, информационно-отображательных и прочих процессов.

После достижения развитой стадии мышление в форме суждения может сопровождаться восприятием тех предметов, понятия и отношения которых составляют содержание этого суждения. В этом случае происходит уточнение и приведение в соответствие смысловых структур представлений о предметах и их отношениях со структурами восприятий и ощущений этих предметов и их отношений. Происходит установление истинности или ложности смыслового содержания данного суждения.

Известно, что современные логики не считают суждениями вопросительные предложения, а поступить таким же образом к их противоположности не догадываются, т. к. в указательных предложениях есть видимость суждения: как будто есть субъект, есть предикат и есть связка. Однако по существу указательные предложения не достигли еще состояния формы, при которой мыслят отвлеченно от восприятий. Ими осуществляется связывание в памяти языковых структур со смысловыми структурами, отображающими собой объекты познания и отношения между ними. Смешивание сферы языковых, символических структур, обозначающих объект познания или его отображение, со сферой смысловых структур, отображающих соответствующие объекты познания, является источником логических, гносеологических заблуждений. Указательные и вопросительные предложения сопровождают собой соответствующие восприятия и действия (указательные и вопросительные жесты) субъект-индивида в процессе взаимодействия его с окружающей средой и

с другими индивидами и прокладывают собой дорогу для развития мышления этого индивида от мышления необобщенными и неречевыми формами до мышления обобщенными и речевыми формами.

Развитие мышления субъект-индивида до формы суждения происходит, с одной стороны, через ощущения и восприятия предметов, процессов и отношений между ними, через развитие до мышления об этих предметах, процессах и отношениях в форме представления. Это достигается в результате реального взаимодействия чувственного тела живого человека с предметами познания, с объективной, а отчасти и со своей собственной субъективной реальностью. С другой стороны, через ощущения и восприятия этим человеком некоторых выобобщенных языковых структур, соотносящихся к выделенным для познания предметам и отношениям в качестве их названий и названий их состояний. Это достигается в результате реального взаимодействия и общения между людьми данной общности. Язык образуется, сохраняется и наследуется в обществе; им оструктурируют свои представления индивиды этого общества, чем и доводят их до формы понятия и суждения, развивающихся из представлений.

Если проследовать назад по пути развития какого-то конкретного понятия с таким-то его содержанием у кого-нибудь, конкретно, а не понятия вообще у не конкретного индивида, и если мы начнем с рассмотрения уже хорошо развитого и определившегося понятия, то регрессивное движение назад даст следующее: это понятие произведено таким-то или такими-то суждениями; эти суждения составлены из таких-то предшествующих понятий; последние произведены такими-то суждениями. И так далее назад, до тех пор, пока не придем к переходу таких-то суждений в такие-то вопросительные и указательные предложения, в результате которых и произошло сращивание символ-структуры со смысло-структурой в органе мышления этого индивида. Вопросительное предложение явилось следствием того, что вопрошающий имел представление об этом предмете, но не имел символа, имени. А указывающий, демонстрирующий и называющий уже имел символ, связанный с таким же представлением, и он, отвечая на вопрос или поучая, кин-

мирует символ-структуру с одновременным указанием на тот предмет, структура которого подобна той смысло-структуре, которая связана у него с кинематирующей символ-структурой. В результате одновременного восприятия кинемы символа, предмета и отображений демонстрации у вопрошающего или обучаемого и происходит переход представления в понятие.

Появление, изменение, уточнение, развитие понятия происходит при помощи суждений, которые также появляются, изменяются и развиваются в результате образования понятий у этого человека из его же представлений и в результате познавательной и коммуникативной деятельности его с другими людьми, проявляющейся в тех формах, которые предшествуют суждению и из которых суждение формируется, вырастает (вопросительные и указательные предложения, демонстрация, первичное связывание символических и смысловых структур). Мог ли быть такой перелом в истории человечества, когда люди общались и мыслили одними понятиями, не прибегая к суждениям? Этот вопрос уже решен в результатах предшествующих рассуждений. Такое состояние в само-развивающемся человеческом обществе невозможно, т. к. невозможно, чтобы в результате саморазвития реальности образовалось некоторое множество человеческих индивидов, не вступавших до этого в процесс языкового и делового взаимодействия и чтоб, несмотря на это, каждый из них имел некоторый запас понятий, одинаковых по смысловому содержанию и по названиям.

IV.

Обратим внимание на следующую особенность процесса развития форм отображения и познания. Представление появляется у человека известным уже нам образом и, освобождая его от необходимости непрерывного непосредственного воспринимания исследуемого предмета или его отображений, предоставляет ему новые возможности для дальнейшего развития познавательных способностей, превосходящих познавательные способности формой непосредственного восприятия. Но общественный характер жизнедеятельности индивида обуславливает потребность поднять познавательные процессы на уровень обобществленных форм, что осуществляется связыванием или оструктурированием в

памяти выобобществленных элементов и фрагментов структур смысло-представления с соответствующими языковыми структурами и переходом от представления как формы и процесса индивидуального познавания к понятию как обобществленной форме процесса и результата познавания индивидов. Таким образом, представление дает возможность человеку освободиться от восприятий, сковывающих свободу творческого преобразования извлекаемых из памяти структур антноощущений в процессе формирования из них всевозможных смысловых, отображательных содержаний, но связываясь с символической структурой и превращаясь от этого в форму понятия попадает под зависимость языковых структур, под зависимость необходимости мыслить выобобществленным смысловым содержанием своих представлений, под зависимость необходимости производить обобществление смыслового содержания своих представлений и связывающихся с ними символических структур и доводить представления до понятий.

При чем, развитие представления в смысло-представление осуществляется средствами и путями в некотором отношении противоположными тем, которые обусловили собой возникновение того содержания представления, которое превращается в смысло-представление. Его возникновению предшествовали прием соответствующих структур и восприятия, оструктурирование их в памяти, актуализация их в памяти, извлечение из памяти и творческое преобразование в ходе формирования смыслового содержания этого представления, часто с присоединением к нему части нового, еще не обобществленного смыслового содержания.

А для перехода или, вернее, для перевода нового смыслового содержания этого представления в смысло-представление, т. е. в понятийную форму, необходимо сформировать новые символические (языковые) структуры и произвести такие действия, которые привели бы других к убеждению и к согласному признанию этого нового содержания: демонстрация, кинемация символических отображений, указательных, вопросительных и объяснительных предложений, доказательств и опровержений и т. п. Осуществляется как бы снисхождение представления, как психической высшей формы отображения, к повторению с уточнениями тех процес-

сов и результатов, итогом которых стало уже выобобщенное смысловое содержание понятия, — повторение с дополнением всех тех действий, которые необходимы и достаточны для принятия другими и нового смыслового элемента или отношения в содержании данного понятия, осуществляется такое переформирование языковых структур, ранее воспринимавшихся и выражавших прежний смысл понятия, результат которого выражал бы собой и то новое содержание индивидуального представления, которое включается в смыслопредставление в соответствующих, взаиморасположении и взаимосотношении с элементами прежнего смысла.

Представление у одного индивида превращается в понятие благодаря общению его с другим индивидом по связыванию элементов его содержания с элементами символических структур (благодаря надстройке и развитию второй сигнальной системы) и ради уточнения, взаимопроверки, согласования, признания и дальнейшего развития того содержания в нем, которым отображается и познается предмет познания (=смысловое содержание). Понятие и суждение, таким образом, являются продуктом словесного и деятельного общения индивидов в обществе и в окружающей их и их вращивающей реальности, продуктом их активного и творческого мышления, познания и деятельности в общественной и в природной среде, — продуктом, дополнительным к тому, что необходимо для образования у индивида безсловесного представления.

От человека, выражающего свои мысли понятиями и суждениями, исходит вовсе не мысль и не понятие, которые неотъемлемы от их образующих процессов и элементов в организме, а поток отображений, производящихся движениями и состояниями соответствующих органов его тела, органов речи. Процесс фиксации и распространения отображений в среде, составленной материально-идеальными элементами, играющей роль канала связи или фиксирующей и сохраняющей эти отображения, уже уяснялся.

Идеальное отображений, фиксирующееся формами строев элементов канала связи, вносится внутрь тела человеческого организма, идет к его сознанию и в память, затем извлекается из памяти в представление, символическая часть

которого выносятся из организма во внешнюю среду отображениями кинематики символических структур, отображениями движений организма или его органов в объективной реальности.

Т. к. элементы смысло-представления активируются и легко извлекаются из памяти под влиянием воспринимания с ними связанных элементов символических структур, например, при чтении текста, то у человека и возникает иллюзия, что он этот смысл находит в читающемся им тексте. Но на самом деле любое смысловое содержание (и до-понятийной и понятийной формы) состоит из структур, образующихся из извлекающихся из памяти антиощущений и границ-ничто между ними, переживающихся, осознающихся и мысленно рассматривающихся как психические феномены, как явьность, проявляющаяся в результате взаимообмена элементами, взаимовлияния и взаимодействия сознания и чувственного (сенсорного) поля тела этого живого организма. своей живостью это свое сознание образующего, окружающего и воссоздающего, и локализуемая между ними.

Понятие и суждение не существуют вне и без представления. Если слова или словосочетания, воспринимающиеся индивидом, не вызывают у него никакого смысло-представления, не сопровождают и не направляют процесс формирования у него смыслового содержания представления, то они для него и не являются понятиями, а являются лишь им воспринимающимися отображениями кем-то или чем-то другим производящихся (кинемирующих) языковых структур. Но содержание представления, отображающее собой некоторый объект, может быть у индивида и не в форме понятия или суждения и не являясь их следствием. Нельзя оторвать понятие и суждение от представления. Понятие и суждение есть представление на особой стадии своего развития и на соответствующей сложности своего содержания. Все то, что является смысловым содержанием понятия или суждения у этого индивида, является и частью содержания его индивидуального представления о том же предмете познания; но не все содержание его индивидуальных представлений является и содержанием тех понятий и суждений, смыслы которых получили обобществление и осознаются и умосозерцаются этим индиви-

дом. Содержание представления отдельного индивида о некотором предмете может быть богаче, шире, вернее, точнее, глубже, истиннее, чем содержание смысло-представления об этом же предмете, т. е. чем уже обобществленная часть смыслового содержания представления, вызывающегося у этого же индивида и у других в результате восприятия ими соответствующих языковых структур; но может быть и беднее, грубее, поверхностнее, менее точное, менее истинное. Т. е. если индивид имеет правильно понятое им смысло-представление о предмете, то или представление его об этом предмете и есть смысло-представление этого понятия, или в представлении этого индивида об этом предмете имеется и еще какая-то часть невыобобществленного смыслового содержания.

Таким образом, отображательное (смысловое) содержание представления, в результате процесса извлечения из памяти и мышления достигающее различных состояний и форм в своем развитии (извлеченная форма представления, творчески преобразованная форма представления, форма смысло-представления и другие формы и состояния смыслового содержания представления, которые еще будут нами рассматриваться), являются лишь дальнейшим развитием представления как психической формы отвлеченности от изображения и процесса и результата мышления. А понятийные и из них образующиеся формы мышления, мыслящегося и отображения, черпают свое смысловое содержание из представления как допонятийной психической формы отображения.

Объективированные языковые структуры могут быть только тем источником, который необходимо дешифровать, декодировать процессом восприятия их, в результате чего происходит компилирование или формирование тех представлений у индивида, которые и у других индивидов нейрофункционально связаны с этими языковыми структурами. Разумеется, что при этом возможны и искажения, и субъективные привнесения, что зависит от прочности памяти индивида и от той обобществленной адекватности связей между элементами языковых структур и структур смысло-представлений, а также от правильности и совершенства грамматических и логических строев языковых текстов. За-

рождение и развитие познания у человека начинается с его рождения и является результатом значительно большего проникновения в его организм и дальнейшего развития процессов отражения и отображения как всеобщего свойства реальности, — психических процессов, практикой специфического существования специфического организма (взаимодействиями субъективного с объективным) вызывающихся, стимулирующихся, изменяющихся, обуславливающих, направляющихся и проверяющихся, и через управление результатами отображения практикой существования этого человека управляющих направлениями и изменениями развития субъективного в объективном и в соответствующей мере объективного.

Мышление есть активная форма познания мира человеком, дающая возможность обеспечить и расширить своиственные возможные и необходимые ему формы поведения и жизнедеятельности при специфических и меняющихся условиях в объективной и субъективной реальности. Мышление не ограничивается процессом речевого мышления, процессом обратимого перевода смысловых структур на язык символических структур и наоборот; оно включает в себя и процессы формирования и переформирования смысловых структур. Но и не всякое манипулирование образами есть мышление: простое извлечение из памяти комплекса антиощущений (образа) без его обработки есть не мышление, а вспоминание и только. Т. е. существенный отличительный признак мышления заключается в наличии процесса осознанной обработки смысловых или символических или тех и других структур.

Процесс мышления осуществляется в результате реального оперирования и обработки антиощущений, их взаимоотношений, взаиморасположений и пр. И когда мы говорим, что один человек передает свои мысли другому, что существуют средства обмена мыслями между людьми, то это вовсе не означает, что мысль одного человека отделяется в готовом виде от его органа и процессов мышления и переносится в качестве мысли в орган мышления другого человека. Учащий человек не передает свои мысли ученику; он при помощи символических реальных движений и воздействий на окружающую его среду (своеобразными «сотрясениями

воздуха») вызывает, возбуждает или активизирует и облегчает процесс воспоминания и мышления ученика и в соответствии с мерой умения учащего производить ввне закономерные упорядоченные строи символических отображений (уже обобществленных или обобществляющиеся) и с мерой умения этого ученика сопровождать прием этих отображений соответствующим процессом извлечения, компилирования и формирования смыслового содержания представлений у этого ученика вызывается и протекает процесс вспоминания и мышления в некоторой мере так, как это протекало или протекает и у учителя. Мысли существуют не между нами, а только в нас, и производятся они мыслительными усилиями каждого индивида, что невозможно заменить мышлением другого индивида. Исчерпывающе познать себя ты можешь и должен лишь сам, производя соответствующие познавательные усилия и действия и познавая все необходимое и достаточное для этого. И никто и ничто тебе этого за тебя не сделает — ни врожденные идеи или способности, ни идеи, вложенные тебе другим, ни идеи, вошедшие в тебя из общества: другие индивиды и общество могут тебе помочь или помешать в этом или обусловить соответствующее направление этого. Но это вовсе не значит, что от и из нас ничего не исходит в процесса языкового общения. Идеальное (=структуры-ничто) отображений переносится от одного индивида к другому различными элементами объективной и субъективной реальности, что может сопровождаться различными изменениями или заменами несущих их элементов. Допсихические формы отображения, являясь всеобщим свойством реальности, осуществляются и в объективной и в субъективной реальности. А психические формы отображения (допонятийные: ощущение, восприятие, анти-ощущение, представление; и понятийные: понятие, суждение, умозаключение и пр.) происходят только внутри организма, в местах локализации яйности, между сознанием, сенсорным полем и памятью этого организма и в результате взаимовлияния и взаимообмена этих противоположностей, оживляющих его, приводящих его в действие и управляющих его жизнедеятельностью. И к этому внутреннему психическому миру у других людей мы приобщаемся через механизм сопереживания такого же или

подобного в себе. То, что я действительно (реально) представляю себе, есть для меня и во мне на самом деле; оно есть как феномен психического переживания соответствующего антиощущения и комплекса антиощущений; протяженностями их качеств и формами границ различающихся мною инанкостей одного антиощущения по отношению к другому и составляет смысловое, отображательное содержание этого представления. Умонаглядные элементно-структурные модели, подробно, исчерпывающе глубоко и истинно отображающие те реалии, которые осуществляют все это, будут получены в «Ногах...» в результате последовательного выведения их из полностью и окончательно познанного знания о всеобщих исходных началах бытия и наименьших элементах сущего реальности.

Процесс и результат мышления происходит в человеческом организме, дающем материал или производящем феномены этого процесса, качества которых обуславливаются свойствами этих материалов и им присущими закономерностями, являющимися особенными, частными случаями действия всеобщих законов природы, проявляющихся в специфических элементно-структурных образованиях и условиях. В этом же суть и антропологического принципа Чернышевского, которую В. И. Ленин подчеркнул как особо важное. 1) Пусть монасты, признающие наличие только одной материи, попробуют объяснить все это так или иначе! Это они не смогут сделать, т. к. сам процесс производства, отчуждения и распространения отображений невозможно понять и объяснить без той противоположности материально-го, которой является новый смысл идеального ничто.

Каждая система реальности участвует в процессе отражения, отображает себя вовне и отображает внешнее в себе; и процессе отражения усложняется и развивается от той всеобщей формы, которой обладает всякая система реальности, до той наивысшей формы, которая свойственна и возможна в структуре элементов данной конкретной системы и в тех условиях, которые складываются и обуславливают существование и развитие этой системы. В живых системах, в результате следствия и причины их эволюции и

1) В. И. Ленин. Полн. избр. соч. т. 29, стр: 579.

развития, происходило развитие форм отражения и достигло у каждого вида живых систем тех форм и особенностей, которые возможны в их образующих специфической структуре специфических элементов соответствующего диапазона уровней сложности и их обуславливающих условиях. Даже живая отдельная клетка многоклеточного организма имеет механизм, позволяющий ей «опознавать» и избирательно извлекать из окружающей среды необходимые ей продукты питания, что будет исчерпывающе раскрыто и объяснено в «Логиках...»

Благодаря специфике, сложности и совершенству структуры всех элементов, органов частей и подсистем целостной системы живого человеческого организма и благодаря специфике условий его онтогенеза и филогенеза процесс отражения получил специфические условия и направление своего развития и достигает своих высших форм — неречевых и речевых форм психического отражения. Этот же процесс отражения по мере и в ходе своего развития в свою очередь обуславливал специфичность и направление эволюции и развития структуры элементов соответствующих органов, частей и подсистем сложной системы живого человеческого организма, доведя его до современного состояния.

Из всего предшествующего следует, что никакая форма отражения и отображения (ни наинизшая, ни наивысшая, ни допсихическая, ни психическая, ни неречевая, ни речевая), никакое мышление и познание невозможны без материального нечто, неразличающаяся в себе протяженность качества которого прерывается, заканчивается идеальным ничто в месте соприкосновения его с иным нечто, и идеального ничто, ничего в себе своего не имеющего, по имеющегося всегда и всюду между хоть чем-нибудь отличающимися нечто, разграничивая их прерыванием до дна, насквозь. Нет нужды выдумыватькакой-то псих. смысл идеального и материального, т. к. при помощи в этой работе выясняющихся и развивающихся смыслов этих фундаментальных понятий все можно исчерпывающе и истинно объяснить, в чем мы уже убеждаемся, а далее будем убеждаться все более и более. «Мыслить» и «примыслить» люди могут себе всяческий ад, всяческих леших..., но задача теории познания в том и состоит, чтобы показать нереальность, фан-

тастичность, реакционность подобных примыслов»¹⁾, если речь идет, конечно, о научно-познавательном мышлении, а не о каком-то художественно-фантастическом, шуточном, игровом или еще каком-то в этом духе вымысле. Именно новые смыслы материального и идеального дают мышлению опору, помогают ему избегать заблуждений, раскрывают ему ясные и наиболее верные объяснения, позволяют ему познать и то, куда никакая практика не проникает. Эти новые смыслы материального и идеального, наряду с прочими фундаментальными идеями, будучи сами несомненно и неопровержимо истинными, приведут наш разум к окончательному и истинному познанию всеобщих начал бытия и наименьших элементов сущего, без чего невозможно исчерпывающе познать то, из чего, почему и как образуется все имеющееся и могущее быть в реальности. Они приведут нас к исчерпывающему и истинному познанию элементарно-структурных и причинно-следственных моделей («механизмов») всевозможных вещественных образований, получающихся из всеобщих исходных начал бытия и наименьших элементов сущего, — образований на субатомном, атомном, молекулярном и надмолекулярном уровнях. Они приведут к познанию сути, механизмов образования, проявления и возможностей того, взаимодействие чего с его окружающим, особым образом организованным, веществом приводит к возникновению целостного образования, из всего этого состоящегося; — приведут к познанию сути и подробных глубинных механизмов процессов и возможностей перехода неживого в живое, разрастания его и развития из него как одноклеточных, так и многоклеточных организмов, в том числе и того в человеческом организме, что мы называем сознанием, мышлением, психическим и т. п. Т. е. будет выяснено, познано как раз все то глубинное и загадочное, что ныне остается еще неизвестным, над познанием чего ученые ломают головы и что не может быть познано мышлением, оперирующим и руководствующимся только логико-понятийным аппаратом и гносеологией ныне используемой старой СНОЗ без ее переформирования и развития, которые осуществляются в данной работе.

Два мировых, вселенских потока отображений—поток

1) В. И. Минин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 75

отображений выобобщенных языковых, символических структур и поток отображений смысловых структур, отображающих элементы и структуры предметов познания, — через ворота сенсорного поля всевозможных ощущений и восприятий живого организма устремляются к его сознанию и осыпают его их несущими элементами, активируя и ориентируя его. Соответствующие фрагменты этих двух потоков встречаются и связываются в структурах памяти организма, создавая этим самым возможность для образования и проявления понятия как высшей речевой формы отображения, что позволяет индивиду подняться до мышления суждением и еще больше самому внести свою долю в эти мировые потоки отображений и оказывать решающее влияние на ход и результаты познания и развития объективной реальности и себя.

Ясно, что предмет познания и те мысли, т. е. смысловое содержание представлений, в которых отображается этот предмет познания, это не одно и то же, как некоторые это «объясняют». Здесь можно говорить лишь о характере и мере соответствия, и следует всячески стремиться к тому, чтобы соответствие предмета познания и его отображающих мыслей было возможно более глубоким, подробным, полным и точным; и следует всячески стремиться очищать мысли, идеи, знание от ошибочных абстракций, не имеющих себе соответствия в той реальности, для отображения которой они предназначены. — если желать прогресса научного объяснительного знания. «Разве возможно было бы, что мышление, в качестве деятельности действительного существа, не постигало бы действительные вещи и существа? Только тогда, когда мышление обособляют от человека, фиксируют для самого себя, возникают большие, бесплодные и с этой точки зрения неразрешимые вопросы: как относится мышление к бытию, к объекту». 1)

Гегелевская монистическая и все в себя включающая система и ее спекулятивный метод превращает истину в сам себя доказывающий автомат. Но почти к таким же по убедительности и глубине объяснениям, хотя и симметрично-противоположным, приходит и монистический материализм, если и поскольку он не выходит за рамки монистичности

1) Л. Фейербах. Соч., Госиздат 1923 г., т. 1, стр. 135.

начала и логической формы объяснений. Если он противится отбросить монистическую закваску, изменить свои начало и логическую форму, чем и открылись бы возможности для снятия ограниченности монистической гносеологии и открылись бы возможности исчерпывающего познания всего, так и настолько, что, как и насколько понять возможно вообще. Гегель, например, вопрос об отношении мышления к объекту решает отождествлением содержания мысли с предметом в ней отображающимся. По Гегелю в мире ничего нет, кроме понятий, самих себя развивающих и познающих диалектикой саморефлексии себя в свою противоположность и обратно. И люди есть не что иное как понятия, находящиеся в общем строю такой иерархии понятий, которая завершается, порождается, претовуславливается и верховодится абсолютной идеей. Отсюда легко получают объяснения неизбежных неудач в случае непокорности идеям, с верхов или из истории исходящим. А чтоб не сомневались в истинности такой идеалистически-монистической философии, то и вопрос об истине уговаривают понимать особенно: поскольку в мире есть только понятия, то не с чем их сопоставлять кроме как с самими собой, по правилам фиктивной диалектики, да одни понятия с другими. И поэтому есть только логическая истинность (согласие понятий между собой и с той логикой, которую человек принял), а фактической истинности (соответствие смысла понятия с реалиями, в этих смыслах отображающихся) вообще нет — это псевдопроблема, де. Абсолютная идея сама познает и доказывает свою истинность в себе самой, расщеплениями своих понятий в квази-противоположности и отождествлениями и слияниями этих квазипротивоположностей в единство якобы развивается. Такую гигантскую ловушку для умов создал гениальный Гегель. А Ницше и другие развивают дальше и зашищают эту объяснительную систему: познание в ней сводится к выработке полезных для субъекта фикций, а иерархическая субординация понятий в ней наводит человека на стремление к возвышению своей власти, для чего право сильного выдвигается на первый план. Истинность же состоит, мол, в полезности и критерием ее является удача. И многие принимают идеалистическую монистическую философию по неведению другой, значительно более превосходной, т. е. объяснитель-

ные возможности ей противопоставляющейся философии монистического материализма хотя и кажутся несколькими лучшими, но при пристальном рассмотрении оказываются почти равноубедительными. Ведь согласно последней получается следующее: то, из чего все изначально состоит, есть одна материя и только; в результате своего саморазвития из себя самой она производит понятия как квази-противоположность себя самой (ведь в мире есть материя и только) и ими познает саму себя. Монистическая логическая форма недialeктична, т. к. не признаются и не используются в практике научно-познавательного мышления все те противоположности и различности, которые на самом деле имеет всякое сущее (изначально и потом) и без которых оно не может ни существовать, ни развиваться, ни отчетливо, полно, исчерпывающе и истинно познаваться. Монистическая закваска (состав и смыслы исходных понятий и ими обуславливающаяся логическая форма) препятствует дальнейшему прогрессу научного познания и в идеалистической системе и в системе ее заквашенного материализма. Очищайтесь от этой закваски!

§ 2. Дополнительные рассуждения к предшествующему.

Суждение (как и понятие) как феномен есть, существует только тогда, когда актуально проявляются в мышлении человека ранее уясненные нами процессы, образующие, реализующие соответствующие смысло-представления и символ-представления, т. е. суждение, как и его части, имеется только в активно мыслящем уме, который мыслит смысло-представления, связанные со словами или, выражаясь общее, с отображениями кинематич. символических структур. Видимые или слышимые слова и словосочетания, не вызывающие в мышлении своих смысло-представлений, не являются понятиями или суждениями для этого человека. Логический анализ языковых выражений есть лишь тогда, когда внимание человека сосредоточено главным образом на выяснении смыслового содержания во всех текущих переживаниях им своей яйности (ведь только в нем отображается предмет познания) и на взаимосвязях и взаимозависимостях смысловой и символической структур. Естественно, что смысл предиката суждений содержится не в предмете познания, а в мыслящем его мышлении, как и любой дру-

гой член суждения. Все дело лишь в том, истинный ли он и истинна ли та связь, то отношение, то взаиморасположение или то взаимодействие, противодействие и прочее смыслового содержания этого предиката по отношению к тому другому элементу смыслового содержания, который вместе с первым и со взаимоотношением отображают соответствующие элементы и взаимоотношения в предмете познания. И здесь следует учитывать, что согласия и разногласия между индивидами обуславливаются не только соответствием и несоответствием мыслимого смысла с предметом познания (=фактическая истинность), но и согласуемостью и несогласуемостью конкретного содержания смысловых элементов между собой у каждого индивида и интересами, целями и предшествующим опытом каждого индивида. Так что согласие и несогласие персон по поводу смыслового содержания их идей нельзя брать за критерий истинности или ложности этих идей. Содержание смысло-представления, как и представление вообще, объединяет в себе некоторый комплекс некоторых антиощущений, взаимопротяженностями, формами границ различения и взаимосвойствами и взаимоотношениями отображающих не только предмет познания, но также и интересы, и субъективные индивидуальные особенности переживаний и свойств органов этого организма, индивидуальные особенности впечатлений и настроений его сознания и души. И что преобладает в содержании смысло-представления любого индивида — соответствие с предметом познания или помыслы и примыслы, навеянные интересами, впечатлениями души и их особенностями, — это еще надо узнать. «То, что понятие или впечатление души обозначает, — писал Уильям Оккам, — оно обозначает по природе, а термин, произнесенный или написанный, обозначает лишь по установлению. Из этого вытекает и другое различие, а именно, произнесенный или написанный термин может по желанию изменять свое значение...» 1). В содержании смысло-представления отображается и предмет познания и впечатления и состояния души человека от природы и состояний предмета и организма этого человека, а термин обозначает собой все это по установлению, хотя и обусловленному обстоятельствами исторического развития и

1). «Антология мировой философии», М., 1969 г., т. 1, стр. 902

индивидуальными особенностями вида и индивидов. II есть при этом возможности и причины для привнесения, исправления и искажения обозначаемых терминами смыслов.

II.

Анализ давних суждений оправдывается тем, что искать причины отклонения человеческого познания от верной дороги для теории познания иногда оказывается полезней именно на развилках этих отклонений а не там во множестве ответвлений, куда продвинулись по проторенным предрассудками путям многие современные мыслители.

«Существующие факты, естественно, заставляют нас полагать, что наши душевные способности необходимо зависят от наших телесных способностей». 1) — пишет Д. Пристли. И в этом он прав. Но дело-то в том, что наше тело, и не только наше, образуется и состоит не только из материального, но и из идеального в новом смысле этих категорий. В противном случае как объяснить приход в наши представления и наличие в них соответствия с объектами, далеко за пределами нашего тела находящимися? Как объяснить, что общее, одинаковое у многих единичных предметов отображается и репрезентируется одноэкземплярным феноменом смыслового содержания представления? Далее Пристли пишет: «Единственное основание, почему так упорно защищалось мнение, что в человеке есть некоторое нематериальное начало, заключается в том, что такое начало будто бы могло продолжать существование, оставаться способным с ощущениям и деятельности после того, как тело уже умерло» (там же, стр. 191). Во-первых, это не единственное основание успорства в защите нематериального начала, т. к. некоторые делают это, борясь за сохранение своего несправедливо привилегированного положения. А во-вторых, после смерти тела способность к мышлению и к ощущениям, конечно, не может сохраняться у этого тела, поскольку существенно изменяются, разрушаются и распадаются это реализующие процессы и их, обуславливающее, поддерживающее, восстанавливающее, очищающее и оздоравливающее тело. Но из этого не следует, что поэтому и нематериального начала (в его новом смысле) в исходных основаниях реальности нет. Процессы

Д. «Английский материализм XVIII в.», М., 1968 г., т. 3, стр. 190

отражения и распространения отображений продолжают существовать и после смерти тела как вокруг него, так и на базе элементов умершего тела. Пристли материалист в том смысле, что стремился познать мир таким, каков он есть, стремился к истине. И он не стал бы возражать, полагая я, против нематериальной субстанции в смысле реального ничто. Трудности, вытекающие из защищаемого им материалистического монизма, есть трудности, обусловленные тогдашним уровнем развития познания. И полемика здесь ведется лишь потому, что теперь мы имеем возможность иначе и вернее решить те вопросы, над которыми ранее думали честные поборники истинного.

«... Раз все отдельно взятые духовные способности являются смертными, то и субстанция, или начало, в котором они существуют, также должна быть признана смертной», — Пристли, там же, стр. 191. Это неверно. Смерть, распад системы, живого организма на составляющие элементы вовсе не связана с исчезновением тех исходных всеобщих начал и элементов, из которых все образуется, состоит, существует и развивается, включая и живость живого. Те конкретные формы (очертания) структур-ничто, которые фиксируются, образуются структурами-ничто вещества и материи организма, конечно, смертны в том смысле, что они разрушаются, распадаются, меняют форму, вследствие изменений в такостях взаиморасположений и взаимодействии их фиксирующих элементов. Но ничто и нечто как всеобщие начала реальности от этого не лишаются бытия или существования в реальности. Со смертью этого организма умирают и в нем развившиеся его формы мышления и познания; но те формы отражения и отображений, которые присущи состояниям вещества его тела после смерти, продолжают осуществляться. Способность мышления и возможность истинного познания получают благодаря изначальному наличию материальных элементов сущего и идеальных границ-ничто между ними, чем-нибудь различающимися, благодаря возможности передачи формы границы-ничто строя одного множества элементов другому множеству элементов или множеству других элементов, — благодаря получающейся при этом возможности отчуждения формы границы-ничто предмета от этого предмета и распространения ее в среде

посредством составляющих эту среду элементов при сохранении неизменности очертаний этой формы на соответствующем уровне подобий или соответствий.

«Если ощущающее начало в человеке нематериально, — размышлял Д. Пристли, — то оно не может иметь протяжения, не может иметь ни длины, ни ширины, ни толщины, и, следовательно, всякая вещь, внутри его или в действительности принадлежащая ему, должна быть простой и неделимой... Но что бы ни представляли собой эти идеи сами по себе, они, очевидно, порождены внешними предметами и поэтому должны соответствовать им. И поскольку многие из объектов, или прототипов идей делимы, то отсюда с необходимостью вытекает, что и сами идеи делимы... Но как же возможно, чтобы вещь (пусть будет какой угодно природы), являющаяся делимой, будет содержаться в субстанции (будь она также какой угодно природы), которая оказывается неделимой?» (там же, стр. 192).

Если прототипы делимы, то и идеи их должны быть делимы, из чего Пристли делает верный вывод, что и идеи делимы и, следовательно, обладают протяжением. Но он ошибается в том, что составляющее их содержание считает только материальным. Правда, смысл идеального при этом он мыслит не как реальное ничто, а как какую-то самостоятельную мистическую, иллюзорную фикцию, оторванную от матери. При новом смысле идеального эта проблема состоит вот в чем: идеальное неделимо, т. к. оно не имеет протяжения, — оно ничего в себе не имеет и нечему в нем делиться, — в противном случае оно не идеальное; но если идея содержит в себе соответствие отображающемуся в ней и если отображающееся в ней делимо, то она должна быть делимой. Но ведь то, чем составляется любое содержание любой идеи, и есть делящиеся протяженности антиощущений, прерывающиеся идеальными границами в местах соприкосновения их с иными антиощущениями. Поэтому то и возможно идеями истинно отобразить делимые реалии, несмотря на то, что феномен непрерывной протяженности таковой любого одного антиощущения образуется как результат специфического существования множества отделенных друг от друга элементов в соответствующем пространстве. Такая-то тональность зелености листочка ощущается или антиощу-

шается нами как непрерывная; но вызывающие это потоки и строи элементов могут находиться и чаще находятся от-дельно друг от друга; а осыпая своими строями и частотой волн в пределах соответствующей границы-ничто вызывают феномен непрерывности таковой ощущения или антиощущения в поле, ограниченном границей-ничто различения этой такой-то тональности этой зелени от иной. Изменением состава различающихся антиощущений и их взаиморазмеров, взаиморасположений, взаимоследований и взаимовлияний можно достигнуть или углубления и уточнения соответствия этим фиксирующейся структуры-ничто со структурой-ничто прообраза, или наоборот. И если смысловое содержание представления (мысли) мыслится не соответствующим или не до возможного предела соответствующим (по глубине, по подробностям, по полноте, по точности и пр.), то задача истинистского познания и состоит в том, чтобы привести мысли к возможно наилучшему соответствию с предметом познания. Задача ее состоит в том, чтобы изменять и развивать смыслы и состав исходных понятий и ими обуславливающуюся логику выведения всего из них получающегося объяснительного знания так и к тому, чтобы достичь предельно глубокого и в прочих отношениях возможно наилучшего соответствия между предметом познания и знанием о нем и этим достичь интеграции и слияния философии, логики и естествознания, мировоззренческих партийно-политических, религиозных, материалистических и идеалистических и пр. идеологий.

Идеальное ничто не может быть и не может различаться само по себе, т. к. в нем нет ничего. Но оно неизбежно появляется или его необходимо мыслить там, где на самом деле есть или мыслится граница различения соприкасающихся между собой нечто; и оно может уподобляться или различаться по форме очертаний прерыва того, что им прерывается. Ему по природе свойственно отображать все, что угодно: появлением между различающимися и соприкасающимися нечто. Структура-ничто и ее форма не может отделиться от структуры-ничто, но в разной степени и разным образом подобная или точно такая же форма очертаний границы-ничто может быть образцова соответствующим строем взаиморасположения, пустоты или взаимосле-

дования других элементов и даже элементами иных уровней сложности, если свойства этих элементов окажутся способными выдержать и сохранять такую форму строя взаиморасположений, взаимогустоты и частоты взаимодействий. Форма круга или треугольника может образоваться множеством самолетов, или людей, или камней, или песчинок, или молекул, или атомов, или более мелких, или более крупных элементов. Совершенно ясно, что мир мыслится только индивидуальным человеком, и мыслить он его может только потому, что мир и он есть, т. е. именно в результате последствий взаимодействия обладающего сознанием организма этого человека с окружающим его миром получаютс я антинощения, которыми и составляется любое содержание любой мысли. И со смертью этого человека пропадают и его мысли, но не отображавшийся в них реальный мир, который продолжает существовать и сам по себе и для других еще живых и нарождающихся людей.

§ 3. Определение определения.

Переход представления в понятие осуществляется в результате образования в соответствующих органах познавания связи структуры смыслового содержания представления с обобщественной структурой отображения сигнального движения, т. е. с символ-структурой. Вот этот-то процесс уяснения, очерчивания, различения и отграничения от иного в той или иной степени и в том или ином отношении существенных и отличительных признаков всего смыслового содержания понятия или только его функционального ядра, различение и отграничение его от иного и операция связывания его с соответствующей символ-структурой этого понятия и есть определение понятия как форма процесса и результата мышления; этот процесс или эту операцию познавательной деятельности субъекта, в чем участвует и восприятие, и память, и представление, и кинематика символ-структур, и демонстрация, и деятельность, и будет называться определением понятия.

Процесс определения имеет разные стадии своего развития и его операции могут осуществляться при помощи вопросительных и указательных жестов и ответных дейст-

вий и взаимодействий, затем вопросительных и указательных предложений (остенсивное определение), ответов и практики, а на более развитых стадиях форм познания, и общения, после овладения понятием и суждением, определение понятий осуществляется уже и при помощи суждений, а затем и преимущественно суждениями. Характером роли определения в процессе развития познания и его форм обуславливается и состав его логической структуры: называется (произносится, кинематируется) какая-то символ-структура как определяемое, а затем указательными жестами, демонстрацией, указательными предложениями или суждениями с названной символ-структурой связывается соответствующая смысловая структура как определяющее.

Сущностью и характером роли определения в процессе познания обуславливаются и его правила: 1) соразмерность, т. е. определение будет правильным, если символ-структура, определяющей это понятие, или смыслопредставление, вызывающееся в мышлении восприятием определяющей символ-структуры, становится смыслопредставлением определяемой символ-структуры, — если после усвоения этого определения словосочетание названия этого понятия вызывает такое же смысловое содержание, как и словосочетание, определяющее, разъясняющее это название; 2) в определении не должно быть круга, т. е. название понятия (определяемое) не должно иметь такую же символ-структуру, такие же слова и словосочетания, какой выражается смысловое содержание, определяющее название этого понятия; в противном случае определение не будет ясным, четким и лишним двусмысленности; символ-структура определяющего должна быть такой, чтобы каждый ее элемент уже имел в памяти субъекта усваивающего данное определение, обобщественную связь с соответствующим элементом смысловой структуры, содержание которой адекватно и выобобществлено у некоторого множества индивидов 3) определение понятия через указание рода и видового отличия есть подведение под определяемую символ-структуру понятия того смыслопредставления, которое вызывается символ-структурой родового понятия и той символ-структурой, при помощи которой вызывается и смыслопредставление о дополнительном признаке, посред-

ством которого в объеме предметов, отображающихся в содержании смысла родового понятия, различаются, выделяются и обособливаются предметы, составляющие собой объем вида предметов этого рода. Разумеется, что видовой признак или группа признаков должны быть такими, которые необходимы и достаточны для опознавания, различения и выделения видовых предметов в объеме предметов этого рода. Иначе говоря, определением осуществляется переход от связи смыслового содержания представления или смыслопредставления с такой-то распространенной символ-структурой, этот смысл выражающей, к связи этого же смыслового содержания с кратким названием этого смысла или и того предмета, который отображается в этом смысле. И поэтому в последующем субъект оперирует лишь кратким названием этого понятия, с которым связывается прежде всего и главным образом существенные и отличительные признаки.

Суждением изменяется, развивается смысловое содержание понятия, а определением оно очерчивается и фиксируется и связывается с кратким названием, часто новым, непонятным для данного человека. Определяющая часть определения понятия должна состояться уже понятными для этого человека словами, но строим этих слов необходимо так извлекать из его памяти с ними связанные смыслы и так направлять формирование из них у усваивающего это определение человека представления с таким смысловым содержанием, которое содержало бы и новое для него знание, новизна которого получалась бы или в результате изменения состава смысловых элементов, или изменением структуры взаиморасположения, взаимоследования, объединения и взаимовлияния их в образуемой ими комплексной смысловой структуре.

Суждение не переходит в понятие: оно направляет процесс мышления, формирующего в себе смысл понятия. Строями суждений вызываются соответствующие строи смысловых элементов и формируются, изменяются, уточняются и развиваются смыслы понятий; завершение же образования новых понятий осуществляется в результате определения. А потом новые понятия включаются в состав новых суждений, которые

ми уточняются и изменяются смысловые содержания старых или и этих же, новых понятий; затем опять новые определения понятий и т. д. Смысл любого понятия, в том числе и любого из тех, из которых состоит суждение, черпается, возникает и развивается не в суждении и не из суждений, а в памяти, в органах мышления и из того мышлением мыслящегося материала, который антиощущениями извлекается из памяти при помощи символ-структуры суждений. Смысло-представление, сформированное при помощи суждений, демонстрации и пр., связывается при помощи определения со структурой названия. А в суждении мысль идет лишь в смысловой сфере, хотя и управляется этот ход ее с большим или меньшим успехом и точностью символ-структурой;

Есть символ-структуры, смысло-представления которых произведены отображениями реального предмета и имеют и сохраняют соответствие; а есть символ-структуры, смысло-представления которых творчески сформированы людьми в процессе отвлеченного от восприятий мышления из представляющихся элементов и или имеют соответствия со структурами реальных предметов, или не имеют, или имеют какую-то меру соответствия.

Совершенно очевидна несостоятельность попытки обосновать идею тождества объема и содержания понятия, идею такого единства объема и содержания, доведенного до тождества, до крайности, согласно которой когда есть объем, то есть и содержание понятия, и наоборот, когда есть содержание понятия, то есть и объем, — это попытки отождествления предметов познания и мыслей. Ведь объем понятия измеряется количеством реальных предметов, имеющих в себе такую же или подобную структуру-ничто, которая содержится в смыслопредставлении. И если бы всегда, когда есть понятие с любым содержанием, был бы и его объем, то это значило бы, что ложные понятия вообще невозможны, ибо мыслимое и реальное в таком случае отождествляется; осуществляется переход в систему гегелевского монистического идеализма. И поборниками истины были бы все, в том числе и поборники идеи тождества объема и содержания понятия, как и авторы многих других ложных, но для реакции полезных, схоластических фикций.

§ 4. Про умозаключение.

Умозаключение — это такая форма познания, при которой осуществляется переход мышления к обработке смыслового содержания нескольких суждений, в результате чего выясняются возможные или неизбежные последствия, получающиеся в результате рассмотрения структуры (взаимозависимостей, взаимоскоординированностей) элементов смыслового содержания этих суждений, опричинивающегося мыслящимися свойствами и взаимосвойствами этих элементов, — выясняются последствия без обращения к восприятиям и ощущениям реальных, отображающихся в мышлением обрабатываемом смысловом содержании этих суждений.

Но фактическая истинность результатов умозаключения окончательно и на доступном для восприятий уровне сложности реальных или на каком-то этапе выведения устанавливается в процессе сопоставления смыслового содержания представлений, в результате умозаключений полученных, с результатами ощущений и восприятий предмета познания и определяется степенью соответствия, подобия, совместимости, совпадения, одинаковой элементно-структурной и причинно-следственной согласованностью и смысловом содержании и в отображающейся в нем реальности.

Каждое суждение строем своей символ-структуры способно вызвать у воспринявшего ее человека (и подготовленного для этого) смысло-представление с соответствующими составом и качествами его слагающих антиощущений и с соответствующими состояниями, взаимоследованиями, взаиморасположениями и взаимосвязями. А когда несколько суждений поставить в такой взаимный строй, который способен так предопределять или вести ход следящего за последствиями мышления индивида, что в качестве результата осмысливания структуры смысло-представлений всех этих суждений и того строя или тех связей между вызывающимися ими из памяти смыслопредставлениями, которые обусловлены строем или связями символ-структур этих суждений, и если такой строй таких-то суждений у человека формирует новое, иное (более или менее сложное) смысло-представление, то такие достаточные и необходимые для этого суждения в такой-то структуре своего строя и в такой-то вза-

имосвязи ими выражающегося смысла и составляют собой умозаклучение. А их языковой строй, обобщественно вызывающий одинаковый у многих индивидов структурный строй элементов смыслового содержания представлений, зафиксированных символ-структурами этих суждений, будем называть логическим строем суждений, логической структурой или формой и логической связью суждений.

Грамматический и логический строй элементов языка (символических структур), воспринимающийся человеком, в соответствующей последовательности активизирует, вызывает из памяти соответствующие смысловые элементы, умозрительным выяснением чего (с учетом знания свойств, присущих этим элементам, и с использованием и предшествующего опыта управления мышлением) мышление и наводится на выяснение и установление тех следствий, к которым приводит обдумываемое смысловое содержание. Эти следствия затем выражаются соответствующим строем элементов языка, в результате чего и получается сформулированное следствие умозаклучения.

Таким образом, умозаклучение выполняет в процессе мышления примерно такую же роль, как и суждение; оно является обобщественным средством изменения, развития содержания понятия и знания вообще при отвлечении от восприятий предмета познания или его отображений. Понятием как формой процесса и результата познавания фиксируется и содержится содержание знания, а суждениями и умозаклучениями изменяют и развивают содержание понятий. Но умозаклучение по сравнению с суждением является более сложной формой последственного изменения и развития смыслового содержания понятий. Оно составляется несколькими логически связанными суждениями.

* * *

Итак, представление при помощи простейших вопросительных и указательных предложений приобретает (связывается) соответствующую символ-структуру, выобобществляется, определяется остенсивно и становится понятием, смысл которого затем, в процессе общения индивида и обращения символ-структуры между индивидами, подвергается социальной апробации и уточнению. Образование нескольких понятий обуславливает возможность перехода к мыш-

лению формой суждения, в результате чего понятия продолжают обобщественно изменяться, развиваться, уточняться, углубляться, проверяться, отбираться и преемственно закрепляться в обществе. На некоторой стадии развития общественного познания и мышления индивидов обобщественными формами происходит такое накопление и таких понятий и суждений, которые обуславливают собой возможность перехода к более сложным формам познания, к производству знания посредством умозаключений, в результате которых образуются понятия с более сложным или с более глубоким и точным смысловым содержанием. Указательные предложения как простейшие определения, суждения, определения суждениями, умозаключения и более сложные определения — все это является различными стадиями развития тех мыслительных действий или процессов, с помощью которых появляются и проявляются, определяются, изменяются и развиваются понятия различных уровней сложности и развитости своего смыслового содержания. Понятия являются узловыми пунктами или состояниями знания, в которых фиксируются и сохраняются результаты познавательной деятельности людей. А указательными предложениями, суждениями, умозаключениями и определениями мышление осуществляет развитие и оформление понятий как элементов знания соответствующих уровней сложности, развитости и формы.

Доказательства и опровержения лишь языковыми средствами являются разновидностями умозаключений и их сочетаний, в результате которых показывается в доказательстве логическая истинность и в опровержении логическая ложность смыслового содержания понятий, идей (= более сложное смысловое содержание, чем входящие в них понятия, образующееся из нескольких смысло-представлений) или знания вообще, находящегося в любой форме своей организационной. Можно выделить еще и рассуждения и кратко определить его как сложную, но как-нибудь обособленную, форму познания, в которой употребляются в логической взаимосвязи всевозможные менее сложные формы (понятия, суждения, определения, умозаключения, доказательства и опровержения языковыми средствами) для выражения и решения языковыми средствами одного или несколь-

ких тесно связанных между собой вопросов познания или языкового взаимодействия между индивидами.

Фактическая же истинность смыслового содержания устанавливается в результате сопоставления его и нахождения соответствия между ним и воспринятыми данными той реалии, которая в нем отображается или для отображения которой оно предназначается.

В процессе оперирования символическими структурами суждений, определений и умозаключений смысловое содержание и новое знание мы получаем не из них, а из себя, добываем и формируем его в себе при помощи их. Не из силлогизма мы получаем вывод, а силлогизм выявляется как общий для многих подобных актов получения нового знания из исходного смыслового содержания, в таком-то виде извлекающегося из памяти таким-то строем символ-структур и осмысливающегося как так-то взаиморасположенные элементы смысло-представления. Суждением и умозаключением не приносится нам новое знание, а предопределяется процесс извлечения его в представление и в некоторой мере направляется процесс формирования нового из извлекающихся из памяти смысловых элементов и фрагментов. Не в книгах обитает, находится знание, а в головах, знающих это знание, и не из книг мы получаем его, а вырабатываем его в своей голове при помощи книг и прочего.

Смысло-представления срастаются в наших душах с символ-структурами и при помощи последних без затраты или с меньшей затратой нашего внимания и мыслительных усилий переносятся и приставляются к смыслам других слов, включаются и исключаются из состава смысла других слов при помощи смыслов и символов и порядков других слов. Выводя новое суждение из других суждений мы выводим новый смысл из выяснения соответствующего соотношения смыслов этих других суждений и выражаем его этим новым суждением. И когда эти процессы происходят много раз, то и выобщаются некоторые приемы мышления и строи символ-структур, которые одинаково убедительно приводят мышление человека к таким-то выводам. Приобретение опыта и умения в этом и дает приобретение интеллектуальной силы и культуры человека. Знание того, как познавать, как мыслить в отличие от знания о познаваемом, составляет собой

логику и теорию познания. Правильный вывод и новое истинное знание мы получаем не потому, что так-то расположили между собой элементы символ-структуры нескольких суждений, а потому, что оно выявляется следствием или результатом осмысливания и выяснения смысловых элементов исходного знания, расположенных и взаимозависящих именно таким-то образом, что и предопределило собой такой-то строй, модус, фигуру символ-структуры умозаключения. Состав слов и структура контекста обуславливаются составом и структурой смысловых элементов или фрагментов и служат средством фиксации, средством облегчения запоминания и вспоминания, средством наведения мышления на соответствующий порядок вспоминания и формирования соответствующих смысло-представлений, средством развития последних и общения с другими людьми и пр. Ясно, что некоторые новые образы, новые смысловые содержания можно выразить лишь новыми словосочетаниями или даже и с помощью новых слов. Ведь готовые, обычные, шаблонные слова и словосочетания мало шевелят ум, не требуют более напряженной работы мышления, а вызывают лишь уже закрепившийся им.с. смысл. Но автор текста достигает успеха тогда, когда ему удастся помочь читателю этого текста сформировать желательное для автора смысловое содержание представлений и настроение у этого читателя. И поэтому язык в тенденции своего развития совершенствуется и принаравливается к пригодности наиболее понятно подробно, полно, глубоко и точно выражать смысловое содержание мыслей.

Развитие познания сдерживается незнанием теории и логики познания, незнанием того, что и как нужно мыслить, чтоб истинно и исчерпывающе познать предмет. Но развитие логики познания сдерживается отсутствием истинного знания о сущности процесса познавания, о его формах и возможностях, о сущности человека и его мыслительных способностях как актуально использующихся, так и потенциальных, о путях развития этих способностей и выбора до предела всех потенциальных способностей познавания, о сути знания, о его наименьших элементах и о его развитии. В нынешних учебниках по логике зафиксированы весьма скромные результаты познания мышления и его возможностей, которые весьма раздуты и приукрашены искусством прила-

вать наукообразный вид даже путанице, заблуждениям и преднамеренному обману. Вот, например, за какую «диалектику» возвеличивают и прославляют Гегеля как гения:

Понятие «...приобрело такую реальность, которая есть объективность. Ближайшая реальность состояла в том, что понятие как отрицательное внутри себя единство расщепляет себя и как суждение полагает свои определения в определенном и безразличном различении, а в умозаключении противопоставляет им само себя».

Насчет неотеологии и неорелигии

Кто не хочет вовлечься в очередную идейную ловушку-заманушку, кто хочет избежать ошибок и обмана, кто стремится наистиннейше познать, есть ли на самом деле Бог и что это такое, должен оставить в стороне те догматические предрассудки, которые не раскрывают смысла понятия Бог и не доказывают его истинности. — должен настроиться на поиски наистиннейших и наиболее прогрессотворнейших идей и вооружать (оснащать, структурировать) свой разум и руководствоваться лишь ими

«Каждая религия с течением времени обретает традиции, обрастает догмами, которые связывают ее по рукам и ногам. ...Поэтому нам следует освободиться от внешних религиозных форм и обычаев. Нужно представить себе, что эти формы и обычаи, какими бы красивыми они ни были не более чем одежды, в которые облечено горячее сердце и живые члены Божественной истины. Мы должны отказаться от традиционных предрассудков, если мы хотим в корне всех религий обнаружить истину... Поэтому ясно, что если мы хотим добиться прогресса в поисках Истины, мы должны полностью отказаться от предрассудков... Нет истины, противоречащей другой... Освободитесь от предрассудков, тогда полюбите Солнце Истины, с какой бы точки горизонта Оно не восходило! И вы поймете, что если Божественный свет истины явился в образе Иисуса Христа, то он горел и в Моисее, и в Будде. Чистосердечно ищущие найдут — таков смысл «поисков истины». Это значит также, что мы должны быть готовы освободиться от всего, что мы узнавали раньше, от всего, что могло бы помешать нам на пути к истине...» — Абдул-Баха, «Парижские беседы». Издание

1) Гегель. Наука Логики. т. 3. М., 1972 г. стр. 151.

Бахан. 1993 г. стр. 91—93. И далее мы находим следующие его суждения насчет этого: «Истинные религия и наука не вступают в противоречие. Если религия противопоставляется науке, она становится чистейшим предрассудком, ибо противоположность знания есть невежество. Как человек может поверить в реальность факта, невозможность существования которого доказана наукой? Если он верит ему вопреки своему разуму, то это скорее невежественный предрассудок, чем вера... Религия и наука — два крыла, с помощью которых взмывает в высоту человеческое мышление и развивается человеческая душа. ...Когда религия не идет рука об руку с наукой, она сама находится во мраке предрассудков и невежества. ...Если бы религия была созвучна науке и если бы они развивались рядом, исчезли бы многочисленные несчастья, приносящие человечеству столько бедствий. Подумайте, что отличает человека от других существ, придавая ему неповторимость: не способность ли к рассуждению, разуму? Разве он не должен использовать свои способности для религиозных исследований? Я советую вам тщательно взвесить в уме, используя научные знания, все, что вам представляется религией...

...Согласуйте вашу веру с наукой. Противоречий не существует, поскольку истина—едина. Когда религия освобождается от предрассудков, традиций и смутных догм, когда она будет согласована с наукой, в мире появится великая объединяющая и очищающая сила. Она уничтожит все войны, разногласия, раздоры и недоразумения, и человечество объединится силой Божественной Любви.»

— Абдул-Баха, там же стр. 95—99.

Неотеология не должна поступать так, как это сплошь и рядом делали в прошлом и ныне делают богословы: начинают, разворачивают и продолжают изложение религиозной идеологии из констатации наличия Бога без раскрытия смысла его и без гносеологически состоятельных объяснений и доказательств логической и фактической истинности этого смысла, бездоказательно утверждая, что Бог есть и что он есть создатель и управитель всего сущего (неживого, растительного, живого, людей и человечества). Неотеология должна принять от науки доказательно истинный, логически, научно неопровержимый смысл понятия Бог, которым исс-

тивно отображается то, что создало, из чего и как создало все сущее, как опричинивает и как управляет его развитием, куда и как его направляет, — которым истинно отображается то, что генерирует развитие всего развивающегося, неживого и живого, и что направляет его к благопрогрессу. И продвижение к истиннейшему и исчерпаннейшему познанию этого и будет продвижением к познанию Бога, и будет сближением с ним, что может осуществиться не отказом от такого познания всего этого и прочего, не квазинаучными и льстивыми обоснованиями непознаваемости, человеческих ограниченностей или греховности такого познания всего этого, а именно познаванием и познанием всего этого и прочего до таких истиннейших и неисчерпаннейших результатов, на какие способны люди вообще (и ныне, и во веки веков, и люди-земляне, и любые инопланетяне), возможности для чего и получаются в результате изучения, дальнейшего развития и использования человечеством новой СНОЗ, которая грядет.

В пятой части «Прологов...», которая уже написана и будет опубликована как только автор соберет достаточно для этого денег, излагаются существенные уточнения и дальнейшее развитие основных вопросов логики и теории познания в свете уже изложенных обновленных фундаментальных гносиологических идей новой СНОЗ, продолжается изложение постоянного развития ее смыслологического содержания, уясняются методология и пути дальнейшего развития научного познания реальной действительности.

Если Вы, уважаемый читатель, желаете приобрести пятую или шестую части «Прологов...», или и предшествующие им, или и последующие части текста «Логика новой (НОЗ)», то заказы на это высылайте по адресу: 251010, Украина, Черниговская обл., г. Бахмач, ул. Чапаева, д. 17, Неволько Григорию Ивановичу; или по адресу: 344025, г. Ростов-на-Дону, 37 линия, д. 42, кв. 4, Неволько Григорию Ивановичу. И соответствующие, заказанные Вами, книги «Прологов...», а потом и «Логов...» будут высылааться Вам (почтой с наложенным платежом) по указанному Вами адресу, — по мере опубликования и наличия их у автора.

КОНЕЦ четвертой части текста «Прологи новой системы научного объяснительного знания».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА 1

§ 1. Рассуждения по вопросу о врожденности идей	6
§ 2. Про общественные системы.	13

ГЛАВА 2

§ 1. О понятии	26
§ 2. Продолжение определения и уяснения понятия	42
§ 3. Разные рассуждения о понятии	50
§ 4. Про сущность и существование общего	54
§ 5. О развитии понятия	66

ГЛАВА 3

О СУЖДЕНИИ, ОПРЕДЕЛЕНИИ И УМОЗАКЛЮЧЕНИИ

§ 1. Суждение.	85
§ 2. Дополнительные рассуждения к предшествующему	113
§ 3. Определение определения	119
§ 4. Про умозаключение	123
Насчет неотеологии и неорелигии..	128

Сдано в набор 20.05.95. Подписано в печать 25.05.95. Формат 60x84 1/16.
Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Услов. печ.
листво 7,67. Тираж 2500. Изд. № 33. Зак. 1445. Цена договорная.
Заказное.

Областное управление по печати. 250000. Чернигов, проспект Октябрьс-
кой революции, 62.

Конотопская городская типография. 245780. Конотоп, Красногорская, 9.